

Валентина Каркавина

ЗАЖГИТЕ СВЕЧИ В НАШУ ПАМЯТЬ

с. Троицкое
2012

900 дней и ночей сражался блокадный Ленинград за своё выживание. В этой кровавой битве погибло около двух миллионов человек, среди которых сотни тысяч детей. Они наравне со взрослыми испытали все ужасы войны, мечтая о куске хлеба и мирном небе над головой. Ленинградских детей не спасла даже эвакуация. По всей стране похоронены тысячи детей блокадного Ленинграда, 88 малюток нашли свой последний приют в с. Боровлянка Троицкого района.

Вы вспоминайте чаще нас:
Ведь мы когда-то тоже жили.
Любовь мы унесли с собой
В обители далёкие, иные.
Вы нас вспоминайте ночью и днём,
А ваши цветы будут вечным огнём.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Детям блокадного Ленинграда посвящается

Недетские испытания легли на ваши плечи, дети блокадного Ленинграда. Ужас блокадных дней не забудут никогда те, кто выжил, а умершие останутся в нашей памяти навечно! Прекрасен город, восстановленный после войны, но его дома, улицы и площади помнят о мужестве и стойкости ленинградцев. Каждый год в преддверии Дня Победы души погибших спускаются к нам из неведомой дали, чтобы напомнить и предостеречь, и их тихими голосами наполняется ночной город. В этом скорбном плаче ясно различаются детские голоса. Напоминают о той страшной трагедии и могилы ленинградских малюток на алтайской земле. В 2012 году исполнилось 70 лет со дня их эвакуации в сёла Троицкого района Алтайского края. Более 200 ребятшек было доставлено из ленинградских детдомов №1, №3, №30 в село Боровлянка в августе-октябре 1942 года. Многие не пережили блокадных испытаний и многодневного пути. Жители Боровлянки, как могли, спасали изнурённых голодом и холодом ребятшек, но 88 детей умерли и были похоронены на сельском кладбище. Активистами-краеоведами села в течение многих десятилетий велась работа по выявлению фамилий этих детей. Сначала было установлено 65 фамилий блокадников, а затем к этому списку добавились ещё 23 фамилии умерших детей. По инициативе учителей и учеников Боровлянской средней школы были собраны средства на сооружение памятника в честь этих детей. Сборник «Зажгите свечи в нашу память» – это тоже дань памяти о мужестве ленинградских детей, на долю которых выпали тяжёлые испытания военного времени. В сборник вошли воспоминания очевидцев того военного времени, а также стихи и рассказы о подвиге ленинградцев в битве за Ленинград.

ЛЕНИНГРАД В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинград становится главным объектом уничтожения со стороны германских захватчиков. Ленинградцы мужественно обороняли родной город от врага, который не смог сломить город военными действиями и решил уничтожить его блокадой. Общая площадь взятых в кольцо Ленинграда и пригородов составляла около 5000 квадратных километров. Линия фронта проходила в 4 километрах от Кировского завода. Немецкие войска приступили к разрушению города массированными артиллерийскими обстрелами и бомбёжками. Особенно сильными были удары в октябре—ноябре 1941г. За время войны немцы сбросили на город пять тысяч фугасных бомб, свыше 100 тысяч зажигательных, 150 тысяч артиллерийских снарядов с целью вызвать массовые пожары и стереть Ленинград с лица земли. Началом блокады считается 8 сентября 1941 года, когда была прервана сухопутная связь города со всей страной. Блокада сознательно была нацелена на вымирание городского населения. До войны в Ленинграде проживало более 2,5 миллионов человек. С началом войны Ленинград наводнили более 300 000 беженцев из прибалтийских республик и соседних с ним российских областей. Снижение норм выдачи продуктов впервые произошло 15 сентября, а в ноябре в Ленинграде начался настоящий голод. Запасы продовольствия пополнять было крайне сложно: по воздуху обеспечить снабжение такого большого города было невозможно, а судоходство по Ладожскому озеру временно прекратилось из-за наступления холодов. В то же время лёд на озере был ещё очень слабым, чтобы по нему могли проехать автомашины. Размер продовольственного пайка составлял: рабочим — 250 граммов хлеба в сутки, иждивенцам и детям до 12 лет — по

125 граммов. Хлеб на 40 процентов состоял из со-
лода, овса, шелухи и опилок. Все эти годы верным
спутником ленинградцев был знаменитый метроном,
вошедший в историю блокады Ленинграда как куль-
турный памятник сопротивления населения и помо-
гавший жителям города: быстрый ритм означал воз-
душную тревогу, медленный ритм — отбой. В ноябре
1941 года смертность горожан от голода стала
массовой. Ленинградцы умирали скоропостижно,
ежедневно насчитывалось более 4000 человек. В
декабре умерло 52881 человек, за январь—февраль
1942 года погибло 199187 жителей. Мужчины умира-
ли гораздо быстрее, чем женщины, поэтому к концу
войны женщины составляли основную часть город-
ского населения. С наступлением зимы в городе
кончились запасы топлива, прекратилось централи-
зованное отопление домов, были отключены водо-
провод и канализация. Зима 1941—1942 годов ока-
залась значительно холоднее и продолжительнее
обычного. «Свеча горела с двух концов» — эти
слова выразительно характеризовали положение жи-
телей города, живших в условиях голодного пайка
и огромных физических и психических нагрузок.
Советские войска предприняли две операции с це-
лью восстановления сухопутной связи Ленинграда с
остальной страной. Всего за 1941—1943г. на
«Невском пятачке» погибло более 50 000 советских
солдат. 18 января 1943 года войска Ленинградско-
го и Волховского фронтов соединились, в этот же
день был освобождён Шлиссельбург и очищено от
противника всё южное побережье Ладожского озера.
Пробитый вдоль берега коридор шириной 8—11 кило-
метров восстановил сухопутную связь Ленинграда
со страной. За семнадцать суток по берегу были
проложены автомобильная и железнодорожная «Доро-
га Победы». К моменту прорыва блокады в городе
оставалось около 800 тысяч человек гражданского
населения. В ходе операции «Январский гром» 27
января 1944 года блокада была полностью снята. В

результате мощного наступления Советской Армии немецкие войска были отброшены от Ленинграда на расстояние 100 километров. 900 дней и ночей продолжалась самая продолжительная и чудовищная в истории человечества блокадная эпопея одного из значимых городов СССР. В битве за Ленинград погибло больше людей, чем потеряли Англия и США за все время войны. Ленинградская трагедия в годы Великой Отечественной войны унесла из жизни полтора миллиона человек, не обошла стороной и жителей Алтайского края.

Этот плакат появился в первый день войны

«125 ГРАММ С СЛЕЗОЙ И КРОВЬЮ ПОПОЛАМ»

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА ЛЕНИНГРАД

Велик вклад Алтайского края в освобождении блокадного Ленинграда, в защите которого принимало участие более 50 тысяч солдат с Алтая. В память об их подвиге открыта мемориальная доска на Пискаревском кладбище и названы ленинградские улицы. Наши земляки из Бийского 71-го дорожно-эксплуатационного полка обеспечивали связь с городом по льду и воде Ладожского озера. Алтайские воины из 372-й стрелковой дивизии в январе 1943 года прорубили первую брешь в блокадном кольце. С блокадным Ленинградом связано имя командира танкового взвода 124-й танковой бригады Ленинградского фронта лейтенанта Федора Фомина, первого в Алтайском крае получившего звание Героя Советского Союза. Защитниками Ленинграда были снайпер Мария Малявина из Бийска, командир взвода 87-й кавалерийской дивизии Константин Аносов из Барнаула, радистка Валентина Олешко из Алейска. Сотни защитников с Алтая, в их числе воины из Троицкого района, сложили свои головы в боях за город на Неве. В братских могилах Ленинграда нашли свое последнее пристанище воины-тройчане: Павел Дмитриевич Алексенцев, Иосиф Михайлович Гаврилин, Федор Николаевич Наливкин, Степан Ефимович Кадочников, Людвиг Робертович Капатурин. Связист Лобцев Тимофей Ермолаевич погиб при выполнении боевого задания, подорвавшись на mine. Высокое звание гвардейцев было присвоено нашим землякам: Даниилу Николаевичу Фролову, Константину Степановичу Бабакину, Николаю Самойловичу Филоненко, Дмитрию Алексеевичу Гаршину, Петру Яковлевичу и Филиппу Петровичу Петрушиным. Под Ленинградом был тяжело ранен Добрынин Павел Карпович. В декабре 1941г. автобатальон, где он служил, был переброшен из-под Москвы на ледовую трассу Ладожского озера. На станции Жихарево машины загружались продовольствием, и под непрерывным огнём противника солдаты-шофёры на полуприцепках везли этот бесценный груз в блокадный город. Марк Иванович Бикишев из Загайнова, Проконий Кириллович Нестеров из Боровлянки и Алек-

сандр Михайлович Кузьмин из Троицкого в составе 52-го отдельного автомобильного полка под обстрелом вражеских самолетов тоже доставляли по Дороге жизни продовольствие и боеприпасы для ленинградцев, а из города вывозили раненых и детей. Пётр Яковлевич Петрушин вместе с группой бойцов попал в окружение под Ленинградом, где превосходящие силы противника загнали их в болото, но воины выстояли до конца и пробились к своим. Нашему героическому земляку Дмитрию Максимовичу Анисимову поэт Николай Тихонов посвятил стихотворение «Вами гордится страна»:

Вы Ленинград на Неве защищали,
В бой рукопашный вступали с врагом,
Личным примером солдат вдохновляли,
Били фашистов огнём и штыком.

Боец Иван Животягин из Боровлянки погиб во время бомбежки в Ленинграде. Дмитрий Алексеевич Гаршин охранял от диверсантов военный завод. Уроженец Загайнова Николай Степанович Иешкин участвовал в прорыве обороны Ленинграда. Мужественно вынесли все тяготы блокады воины-тройчане: Петр Яковлевич Лукьяненко, Алексей Степанович Вяткин, Николай Егорович Киселёв, Иннокентий Степанович Исаев. Не посрамили чести советского солдата разведчики Николай Гаврилович Калугин, Пётр Андреевич Мурзинцев и Георгий Афанасьевич Нефедов, командиры Григорий Абрамович Заболотников и Василий Николаевич Ряшенцев. Были тяжело ранены в боях за Ленинград Иван Гаврилович Ярохо, Афанасий Сидорович Корнеев, Григорий Иванович Коровин, Федор Гаврилович Русляков, Николай Агапович Заверженец, Николай Васильевич Бобрышев, Алексей Николаевич Киселёв, Андрей Николаевич Филин. Новиков Иван Федорович из села Шерстниха участвовал в боях на ленинградском направлении, погиб смертью храбрых. Митинский Евгений Владимирович несколько раз был ранен на Невском пятачке, впоследствии умер от ран. О подвиге тройчан в битве за Ленинград в Троицком краеведческом музее имени А.Д.Сметанникова оформлена экспозиция.

Директор Троицкого музея Шморина Валентина

«ЭТО НУЖНО НЕ МЁРТВЫМ – ЭТО НАДО ЖИВЫМ!»

Мне стало известно, что жители села Боровлянка Троицкого района намерены установить памятник детям блокадного Ленинграда и что они также собирают деньги на памятный знак с именами умерших детей. Честно признаться, меня эта история глубоко тронула... В годы Великой Отечественной войны Боровлянка была одним из мест, куда эвакуировали около 200 детей из северной столицы. В село Хайрюзовка Троицкого района тоже были привезены дети-блокадники и сироты из Калмыкии. За 1941 год Алтайский край принял более пяти тысяч ребятишек.

Из Ленинграда в первую очередь начали эвакуировать больных, пожилых людей и детей. В Боровлянке оказались малыши в возрасте от двух до пяти лет, измученные блокадой и долгим переездом в далёкую Сибирь. Боровлянские и хайрюзовские жители и сами не испытывали избытка ни в продовольствии, ни в теплых вещах, но они делали все от них зависящее, чтобы выходить детей: собирали продукты питания и одежду. Многие сироты были взяты на воспитание в алтайские семьи. Настоящий подвиг совершили женщины, которые заботились об этих детях, вырастили их, дали им образование. К сожалению, не всех удалось спасти. Степень истощенности была такая, что многие малютки были обречены. По нашим данным, на сельском кладбище в Боровлянке похоронено более 80 детей. Сейчас краеведами Троицкого района ведётся работа по получению информации о пребывании ленинградских детей на Алтае. Активистами не только собраны материальные средства на памятник, но организован поиск детей-блокадников, оказавшихся в военные годы на алтайской земле.

Мы все благодарны боровлянцам за то, что своим благородным начинанием они обогатили наши души. Это очень хороший сигнал, свидетельствующий о том, что общество живет, и в основе своей оно едино, что здоровое начало в наших людях сохранено и даёт о себе знать. Мемориал в селе Боровлянка – это дань памяти всем детям блокадного Ленинграда, нашедшим последний приют на сибирской земле.

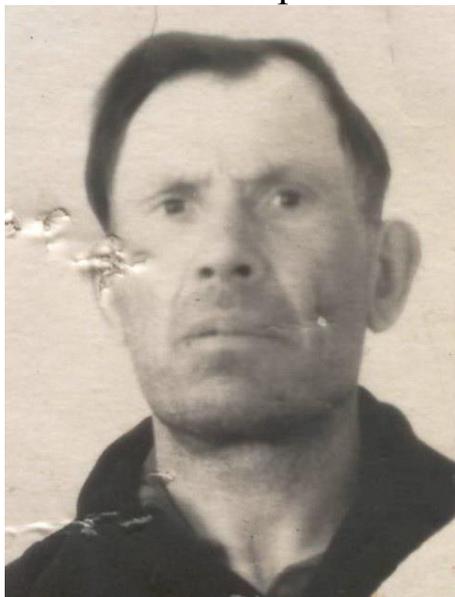
Много хороших проектов объединяет Алтайский край и Санкт-Петербург. Так пусть же совместная деятельность жителей двух российских регионов по увековечению памяти детей блокадного Ленинграда в Год российской истории и 75-летия Алтайского края станет примером служения Родине.

Губернатор Алтайского края А.Б.Карлин

Калугин Николай Гаврилович,
Нефёдов Георгий Афанасьевич,
Ярохо Иван Гаврилович

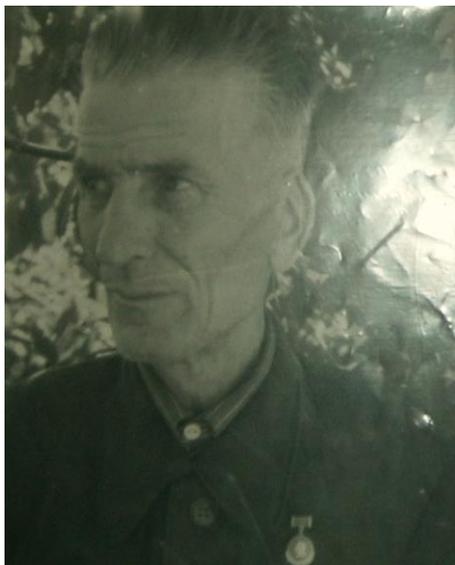
Киселёв
Николай Егорович

Исаев
Иннокентий Степанович

Лукьяненко
Пётр Яковлевич

Филоненко
Николай Самойлович

Бабакин
Константин Степанович

Фролов
Даниил Николаевич

Бикишев
Марк Иванович

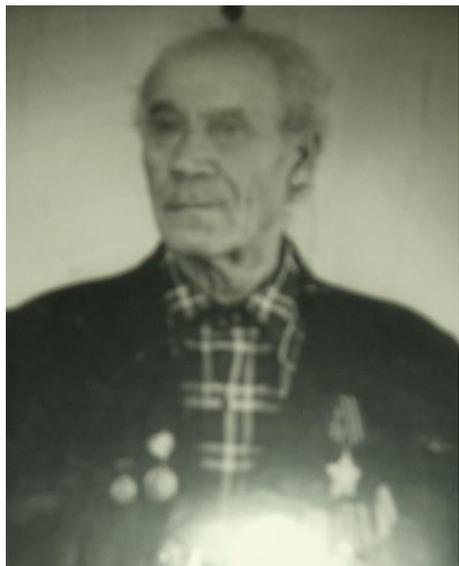
Заверженец
Николай Агапович

Новиков
Иван Фёдорович

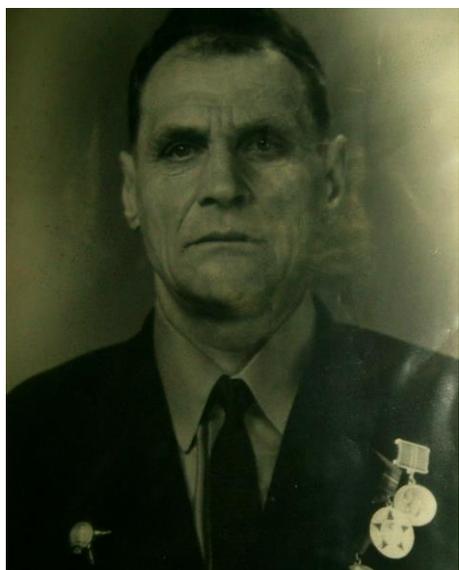
Кузьмин
Александр Михайлович

Русляков
Фёдор Гаврилович

Анисимов
Дмитрий Максимович

Корнеев
Афанасий Сидорович

Лобцев
Тимофей Ермолаевич

ГОРОД НЕ СДАЛСЯ

Я был мобилизован на фронт 23 июня 1941 года. Боевой путь прошёл командиром на Юго-Западном и Ленинградском фронтах, был тяжело ранен и контужен. В моей памяти навсегда останутся бойцы, мужественно оборонявшие город Ленинград, многие из которых погибли. Особенно запомнился мне боец Васильев, который, рискуя своей жизнью, помог в ликвидации неразорвавшегося снаряда, упавшего около полевой кухни нашего подразделения. Из-за этого снаряда трое суток солдаты сидели на сухом пайке, сапёры никак не могли подобраться к этому снаряду: фашисты вели прицельный огонь днём и ночью. Рядовой Васильев подполз к снаряду, осторожно очистил его от земли, обхватил руками и, прижав его к груди, отнёс подальше от наших окопов. Снаряд весил более 30 килограммов, но наш храбрец в полный рост нёс смертельную ношу в сторону фашистов, которые от недоумения даже прекратили стрельбу. Он бережно поставил снаряд на пенёк, вытер пот с лица и тогда уже перебежками вернулся обратно. Через несколько минут снаряд был взорван сапёрами, а комиссар полка, пожав руку бойцу, спросил: «О чём же ты думал, когда обнял снаряд?» «А ни о чём, просто надоело сухари жевать всухомятку», - смущённо ответил он. За этот подвиг Анатолий Васильев был награждён орденом Красной Звезды. Мне приходилось возглавлять колонны машин, перевозивших грузы и людей по Дороге жизни. Тогда мне было 29 лет, и я, командуя автотранспортным взводом 71-го дорожного полка, всегда ехал впереди колонны машин. Во взвод набирались только опытные водители-асы, крепкие и бесстрашные. Случалось, что лёд не выдерживал, и машины одна за другой уходили под воду. Поэтому все движения были отработаны до автоматизма: едешь в машине без дверки с водительской стороны, правая нога - на педали

газа, левая нога — на подножке, чтобы в случае чего можно было выскочить. Ехали след в след, соблюдая дистанцию, а регулировщики указывали направление. Дорога жизни была единственным спасением блокированного Ленинграда, поэтому вражеские самолёты старались уничтожить эту дорогу, но водители верили, что наши зенитные батареи не пропустят врага, и исполняли свой долг, не думая о смерти. Однажды мы везли продовольствие и медикаменты в Ленинград, и вдруг подо мной резко оборвалась дорога, но я успел оттолкнуться от подножки и выскочил кувырком из кабины. Опомнился я уже по пояс в воде, держась руками за ледяную кромку, а моя машина вместе с грузом в считанные секунды ушла на дно. Но и на этот раз бойцы моего взвода доставили нужный груз в город, а обратно вывезли эвакуированных детей и раненых солдат. В этой страшной мясорубке погибло много защитников с Алтая и, в частности, из Троицкого района. Вечная им слава и память.

**Добрынин Павел Карпович, участник битвы
за Ленинград, с. Троицкое**

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Перед блокадой в городе проживало более 400 тысяч детей. Когда началась война, их постарались эвакуировать, но всех детей вывезти не успели, поэтому перед блокадой в городе оставалось очень много детских домов, куда определяли оставшихся без родителей ребятишек. Несмотря на тяжёлые условия, школьники регулярно посещали занятия: это был главный подвиг юных ленинградцев. Тридцать девять ленинградских школ работали без перерыва даже в самые холодные месяцы. Это было невероятно трудно из-за морозов и голода. После уроков пионеры осуществляли сбор папирос, мыла, карандашей, блокнотов для бойцов Ленинградского фронта, а весной у школьников началась «огородная жизнь»: они выращивали овощи для школьных столовых и госпиталей. Ленинградские дети совершали подвиг, выживая в нечеловеческих условиях блокадного города. Примером такого мужества служит жизнь одиннадцатилетней школьницы Тани Савичевой, которая ежедневно в полуобморочном состоянии делала записи в тетрадке коченеющими от холода пальцами. Всего 42 строчки этого дневника послужили главным обвинением фашизма на Нюрнбергском процессе. «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня», -- последняя запись умирающей девочки. Из дневника Тани Савичевой весь мир узнал о страшной трагедии: на глазах Тани погибли от голода бабушка, мама, брат, сестра, дяди. Когда после прорыва блокады началась эвакуация детей, девочку удалось вывезти на «Большую землю». Врачи боролись за её жизнь, но медицинская помощь пришла слишком поздно: Таня умерла от истощения.

Дневник Тани Савичевой

Время возвышает образ Тани
И ее доподлинный дневник.
Над любыми в мире дневниками
Он восходит, как звезда, с руки,
И гласят о жизненном накале
Сорок две святых его строки.
В каждом слове емкость телеграммы,
Глубь подтекста, ключ к людской судьбе,
Свет души, простой и многогранной,
И почти молчанье о себе.
Это смертный приговор убийцам
В тишине Нюрнбергского суда.
Это - боль, которая клубится,
Это - сердце, что летит сюда.
Время удлинняет расстоянье
Между всеми нами и тобой.
Встань пред миром, Савичева Таня,
Со своей невысказанной судьбой!
Пусть из поколенья в поколение
Эстафетно шествует она,
Пусть живет, не ведая старения,
И гласит про наши времена!

Сергей Смирнов
г. Ленинград

Пусть голосуют дети

Я в госпитале мальчика видала.
При нем снаряд убил сестру и мать.
Ему ж по локоть руки оторвало,
А мальчику в то время было пять.
Он музыке учился, он старался.
Любил ловить зеленый круглый мяч...
И вот лежал — и застонать боялся.
Он знал уже: в бою постыден плач.
Лежал тихонько на солдатской койке,
Обрубки рук вдоль тела протянув...
О, детская невыслышимая стойкость!
Проклятье разжигающим войну!
Проклятье тем, кто там, за океаном,
За бомбовозом строит бомбовоз,
И ждет невыплаканных детских слез,
И детям мира вновь готовит раны.
О, сколько их, безногих и безруких!
Как гулко в черствую кору земли,
Не походя на все земные звуки,
Стучат коротенькие костыли.
И я хочу, чтоб, не простив обиды,
Везде, где люди защищают мир,
Являлись маленькие инвалиды,
Как равные с храбрейшими людьми.
Пусть ветеран, которому от рода
Двенадцать лет, когда замрут вокруг,
За прочный мир и счастье народов
Подымет ввысь обрубки детских рук.
Пусть уличит истерзанное детство
Тех, кто войну готовит, навсегда,
Чтоб некуда им больше было деться
От нашего грядущего суда.

Ольга Берггольц
г. Ленинград

ДОРОГА ЖИЗНИ ПО ЛАДОЖСКОМУ ОЗЕРУ

Память героям

Стела взметнулась в лазурную высь.
Бронзовый воин стоит величаво.
Сколько их здесь? Посмотри, оглянись!
Им вечная память и вечная слава!
Россия большая. Посмотришь: везде
Памятники, бюсты из бронзы и мрамора,
Чистые, светлые, царапинки нигде,
Как будто бы только сделаны заново.
Бронзовый воин стоит на граните,
Взгляд его добрый, миру открытый.
Герои войны, вы повсюду стоите!
Люди живые, вы их помяните!
Вспомните вы детей Ленинграда,
Страшные годы военной блокады,
Память о них в наших душах живёт,
Им вечная слава и вечный почёт!

Митинский Всеволод Владимирович,
участник ВОВ, с. Троицкое

ИХ УВОЗИЛИ ОТ ВОЙНЫ

Дальний Восток и Сибирь в годы ВОВ стали пристанищем для многих миллионов эвакуированных людей из разных областей центральной России, где шла ВОВ. Город Новосибирск принял 128 тысяч жителей блокадного Ленинграда, из них 86 тысяч детей в возрасте 1-6 лет. Алтай, житница Сибири, все военные годы снабжал фронт продовольствием, боеприпасами, лесом, живой силой. Миллионы рублей были собраны жителями Алтая в фонд обороны страны, сюда были эвакуированы сотни заводов, предприятий, учреждений, госпиталей и детских домов блокадного Ленинграда. Всего в Алтайском крае в первый военный год оказалось более миллиона человек, среди них 5000 ленинградских малышей, оставшихся без родителей. Они были вывезены в наш тыловой край, воспитывались в детских домах и приемных семьях. Многие из них навсегда связали свою судьбу с Алтаем: до сих пор здесь проживает более 400 бывших детей-блокадников. История Чемальского детского противотуберкулезного санатория берёт своё начало в 1942-м, когда в опустевших с начала войны зданиях курорта разместили больных костным туберкулёзом 247 детей, эвакуированных из Ленинграда. Прикованные к кроватям, дети учились лёжа. Палаты служили одновременно лечебными корпусами, спальнями, столовыми, кинозалами, банями и классами. Самоотверженный труд медиков, педагогов и обслуживающего персонала дал хорошие результаты: из 247 детей 132 ребёнка были излечены. В 1941-44 годах в детские дома Барнаула, Бийска, в Солонешенский, Алтайский, Троицкий, Крутихинский, Тюменцевский и другие районы было эвакуировано несколько тысяч детей: 128 малышей из детдома N 28 Смоленского района Ленинграда разместили в селе Крутиха. Дети, измученные голодом и дальней дорогой, были так истощены, что их заносили в дом на ру-

ках. Четверо из них вскоре умерли и похоронены на сельском кладбище. В сёла Боровлянка и Хайрюзовка Троицкого района в 1942 году было привезено более 200 детей в возрасте от полутора до шести лет. Из 209 детей-блокадников 88 девочек и мальчиков умерли суровой зимой 1942-43 года и были похоронены на сельском кладбище. Оставшиеся в живых дети были переведены в Петровский дом малютки Троицкого района и детские дома Алтайского края. Некоторых детдомовцев взяли на воспитание жители Боровлянки: семьёй Голотвиных был усыновлен четырёхлетний мальчик Ваня, но он умер по причине ослабленного блокадой здоровья. Беликовы Аким Антипович и Елена Афанасьевна удочерили трёхлётнюю девочку Валю, воспитали её, дали образование. Валентина окончила семилетнюю школу, а затем – Бийское медучилище. Впоследствии она вышла замуж за Руслякова Петра Владимировича, родила двух дочерей Ольгу и Любовь. Смерть настигла её на 42 году жизни. Дочери выросли, вышли замуж, у них родились сын Егор и дочь Полина, которые сейчас проживают в г. Бийске. Из всех воспитанников-детдомовцев осталась жить в Боровлянке только Ломакина-Смирнова Нина Андреевна, которую в 1943 году удочерила Анна Тихоновна Паксеева. Она вырастила приёмную дочь, помогла ей встать на ноги: Нина Андреевна получила профессию бухгалтера, всю жизнь в основном прожила в селе Боровлянка, как и бывшая нянечка Ленинградского детдома №3 Крахмалёва-Семёнова Наталья Федотовна, которая сопровождала детей на Алтай в 1942 году. Обе они награждены медалью «Житель блокадного Ленинграда» и являются гордостью села Боровлянка.

Глава Боровлянского сельсовета
Фомин Владимир Егорович

ДЕВОЧКУ ВАЛЮ УДОЧЕРИЛА СЕМЬЯ БЕЛИКОВЫХ

Я ВЫЖИЛА, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Я родилась в Ленинграде в 1925 году в семье рабочего типографии Семёнова Федота Николаевича. В июне 1941 года я жила с родными на даче, когда пришло страшное известие – война! Через неделю мы были в родном и в то же время чужом Ленинграде: окна заклеены бумагой крест-накрест, по улицам идут войска. Отец и брат сразу ушли в народное ополчение. Жителей города, в числе которых была я и мои подруги, послали рыть окопы для укрепления обороны Пскова. В дороге налетели немецкие самолеты, и один эшелон был разбит. Когда родные узнали об обстреле, то искали меня по всем больницам и моргам Ленинграда. К счастью, я не погибла, так как была во втором эшелоне. Жили мы на Васильевском острове, где располагалось много заводов. На Неве, в гавани, стояли корабли, и немцы засылали диверсантов, которые ракетами указывали на то место, которое нужно было обстреливать и бомбить. Каждую ночь мы тушили эти зажигательные бомбы. Это было очень страшно! В квартире вместе с нами жили бежавшие от немцев

тетя и двоюродные сестры. Электричество, воду и отопление отключили. Мы с мамой за несколько папачек папирос выменяли на рынке железную печурку, топили её чем придётся, на ней же варили еду – столярный клей и поджаривали на олифе 125 граммов блокадного хлеба. А еще пили чай, который готовили из земли, пропитанной сахаром, собранной на месте сожжённых Бадаевских складов. Страшное это было время: люди умирали тысячами. Начали умирать и мои родственники: крестная, сестра, тетя, а 24 февраля 1942 года умерла моя мама. Похоронить ее я не могла и четыре ночи после смерти еще спала с ней в одной холодной постели. А потом пришла моя двоюродная сестра, и мы зашили маму в простыню и на санках повезли ее в морг – сарай, набитый трупами. Места там не было, и мужчина, принимавший покойников, сказал: «Лезь наверх, а мы тебе ее подадим». Я вскарабкалась по мерзлым телам и втянула маму наверх. Ни страха, ни отвращения у меня не было в тот момент, только один холод. Во время войны я вела дневник, где писала о событиях того времени: «Сегодня сократили норму хлеба на карточки. Я получила 125 граммов на день. За водой приходится ходить на Неву. Вчера тушили зажигательные бомбы на крыше дома, было страшно, но мы с подругой делали всё так, как нас учили». Мы спасали людей от снарядов, но не от голода. Через месяц после смерти мамы меня взяли вместо неё санитаркой в ясли №11 Свердловского района. С этого времени я состояла на казарменном положении, работала в коклюшной группе малолетних детей, где находился и сын депутата Верховного Совета, морского офицера Селезнёва. Все детки очень боялись ночных бомбёжек, вскакивали с постелей и плакали, обхватив меня своими ручонками. Я тоже вместе с ними плакала, но старалась успокоить их сказками и песнями. По всему городу после ночных налётов валялось огромное количество трупов, ко-

торые похоронная команда не успевала собрать за весь день. Трупы лежали и в квартирах по несколько дней. Было много и таких случаев, когда умирала мать, а малолетние дети с плачем ползали по ней. Этих детей собирали по всему городу и определяли в дома малюток. В каждом районе города Ленинграда было создано несколько детских домов, которые было решено эвакуировать на восток. Так я вместе с персоналом дома малютки №3 попала в село Боровлянка Алтайского края. Нянечками тогда работали несовершеннолетние девчонки, кроме старшей сестры и повара с нами была врач Демьяненко Екатерина Александровна. В пути мы находились целый месяц, с 25 сентября по 23 октября 1942 года. Многие дети, обессиленные блокадной жизнью, болезнями и долгой дорогой, умирали в вагоне. Детей увозили от войны с надеждой спасти, а получалось наоборот. Отправляли в основном слабеньких здоровьем детей, которые начали болеть ещё в блокадном городе. На коже у них появилось рожистое воспаление, гнойные болячки покрывали истощённые тела малюток. В Боровлянку мы прибыли совершенно измотанные и обессиленные от нехватки воды, хлеба, лекарств и нормальных человеческих условий. Когда открыли двери вагона, сельские женщины заголосили при виде измождённых детей. Детдом №3 разместили по улице Ленина 1 в бывшем клубе, где соорудили из досок нары, а в центре помещения установили буржуйки для отопления. Было очень холодно, не согревали детей матрацы и одеяла, что мы привезли с собой. Не успели мы обжиться, как молодых воспитателей и нянечек послали на очистку сахарной свёклы в соседнее село. Чтобы прокормиться в ту зиму, мы ходили по деревне и просили у жителей милостыню. Местные жители помогали картошкой, капустой, тыквой, свёклой, грибами, травами. Вместе со мной ходили воспитательницы Егорова Дуся и сестры Алексашины, санитарка Смирнова Граня и повар

тётя Настя. Однако все наши усилия были напрасными: дети угасали с каждым днём. У них заболели языки, которые покрылись язвами, так что детки не ели даже ту скудную пищу, которую мы добывали для них. Из 200 детей, привезённых нами в тот год, 88 малюток умерло. Хоронили их в ящиках на сельском кладбище. В июле 1943 года оставшихся в живых деток определили в Петровский дом малюток, а затем вывезли в Барнаул. Я же осталась жить в селе Боровлянка, работала секретарём учебной части в ремесленном училище, окончила снайперские курсы, но на фронт меня не взяли по состоянию здоровья. В 1944 году вышла замуж за Крахмалёва Леонида Андреевича, участника ВОВ, потерявшего на фронте обе ноги. Вся последующая моя жизнь связана с Боровлянкой, где родились мои дети и внуки. Память вновь и вновь возвращает меня в те суровые годы, когда приходилось думать не о себе, а о маленьких детях. Война смешала все мои планы: я так любила петь, и артистка Мариинского театра готовила меня для поступления в консерваторию, но эту мечту уничтожила война. После войны в Ленинграде отыскался мой отец, к нему мы вместе с мужем уехали в 1947 году, но через некоторое время снова вернулись в Боровлянку.

Жительница блокадного Ленинграда
Семёнова-Крахмалёва Н.Ф.

СЫН БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Когда началась война, мне исполнилось всего два года. Мои родители, как и все ленинградцы, сражались за родной город: отец – на фронте, а мать работала на сооружении оборонительных укреплений. После смерти матери я была определена в дом малютки №3 Петроградского района, а 29 сентября 1942 года наш детдом был эвакуирован в с. Боровлянка Алтайского края. Так я оказался в глухой сибирской деревне вместе с такими же несчастными и больными детками родного города. В 1943 году нас из Боровлянки сначала перевели в Петровский дом малютки, а затем в детдом с. Клепечиха Поспелихинского района Алтайского края. В 1946 году я был определён в Каменский детский дом №3, а в 1949 году переведён в Каменский детдом №1 г. Камень-на-Оби. В четырнадцатилетнем возрасте после расформирования детского дома я был взят в приёмную семью в селе Толстовское Каменского района, где выучился на тракториста и работал в совхозе «Октябрь». В 1962 году был призван в армию, служил в ракетных войсках на Дальнем Востоке. Демобилизовавшись в конце 1965 года, я возвратился в Ленинград и предпринял попытку найти родственников, но никого в живых не обнаружил. Долгие годы работал в отряде военизированной охраны Министерства финансов СССР, осуществлявшем охрану Ленинградской бумажной фабрики «Гознак». С 1975 по 2001 год работал на фабрике «Гознак» слесарем-монтажником. Отмечен медалью «Житель блокадного Ленинграда». В настоящий момент проживаю в Санкт-Петербурге и помогаю в воспитании внуков. Годы сиротства остались в моей памяти навсегда. Будь прокляты война и все, кто её разжигает: ведь война отня-

ла наше детство, покалечила судьбы миллионов советских людей.

Низовский Олег Николаевич,
житель блокадного Ленинграда

**ИХ ХОРОНИЛИ КАК СОЛДАТ,
ТОЛЬКО БЕЗ САЛЮТА.**

Во время любой войны страдают в первую очередь дети. Каждая семья испытала на себе всю тяжесть военного лихолетья. Не обошла война и нашу семью. В 1942 году мне исполнилось шесть лет, когда мы вместе с мамой и младшим братом Славой переехали в домик по улице Кирова, который нахо-

дился на берегу озера. Время было голодное, продукты выдавали по карточкам, которые отоваривались в магазине. Хлеба на семью выдавали до 400 граммов, иногда детям давали по 1 сдобе. Однажды от мамы я услышала, что в село привезли детей из Ленинграда. В селе все только и говорили об этих детях, поэтому, получив по карточкам хлеб, я пошла не домой, а к бараку, где поселили детдомовцев. Детки были все худые и бледные, остриженные головки еле держались на длинных шейках. Они сидели на подоконниках в рубашечках, маленькие и беззащитные, протягивая ручки к прохожим. Многие женщины отламывали куски хлеба от своего пайка и раздавали деткам. Я тоже отдала им весь хлеб, а домой пришла с пустыми руками. Мама не стала меня ругать, заплакала и сказала: «Ты немного хлеба Стаське оставляй на соску». Продавец тётя Тоня Сиротина, узнав, что я подкармливаю ленинградских детишек, стала мне давать лишнюю плюшку. Но она посоветовала мне раздавать хлеб голодным детям по очереди: сегодня одним – завтра другим. Так я и поступала, только домой всё равно приходила без хлеба, так что брат иногда оставался голодный, как и мы с мамой. Так продолжалось несколько дней, пока мама сама не стала ходить в магазин. Она отрезала кусок хлеба, клала три-четыре рыбки, несколько картошек и посылала меня к малюткам. Я с радостью бежала к ним и видела, с каким нетерпением они меня ждали у окна, а потом многие дети уже и не ждали. Однажды я бежала в детдом с картофельными драниками, чтобы накормить своих друзей, и увидела большую повозку с ящиком, которой управлял детдомовский сторож-татарин Абдурахман. Он плохо говорил по-русски, но я поняла его речь:

– Твоя друг Бог взял.

Я со слезами прибежала домой к маме:

– Мама, какой Бог взял детей к себе?

Мама прижала меня к себе, заплакала:

-Бедные детки и их родители, сколько страданий выпало на их долю. Будь проклята война и тот, кто её придумал!

Ещё несколько раз я встречала этого возчика и повозку с ящиками, спрашивала:

- Дядя, сколько?

- Много. Шесть, и вчера шесть. Ты не ходи. Не надо, мама будет плакать, - со слезами на глазах ответил он.

Ночью я заболела, и мама больше не пускала меня к бараку, опасаясь за моё здоровье. Но я всё равно навещала своих подопечных, хотя среди них многих своих друзей уже не видела. В нашем посёлке нашлись сердобольные женщины, которые решили взять на воспитание ленинградских ребят-шек. Это сделали семьи Паксеевых и Филоновых, которые удочерили девочек Нину и Лору. В 1950 году в село приезжала настоящая мать Лоры, но тётя Тася Филонова не отдала свою приёмную дочь, настроив её против родной матери. Для всех жителей Боровлянки это событие оставило неприятный осадок, многие осуждали Филоновых, некоторые защищали мать Лоры, которая потеряла не только мужа, но и лишилась дочери. Ерохин Сергей усыновил мальчика, воспитал его, дал образование. Он сейчас живет в Санкт-Петербурге. Прошло много десятилетий после войны, но она всё ещё стучится в наши сердца, напоминая о страшной трагедии детей блокадного Ленинграда. Жители нашего села никогда не забывают детей-блокадников: ежегодно на старом Боровлянском кладбище школьники облагораживают могилки похороненных деток, возлагают цветы. Часто можно увидеть здесь Смирнову Нину Андреевну и Крахмалёву Наталью Федотовну, жителей блокадного Ленинграда, которые испытали весь ужас блокады, но выжили и помогают в сборе материала о ленинградских детях.

Никулина Клавдия Фроловна
с. Боровлянка

ДОЧЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Я, Ломакина Нина, родилась в 1939 году в Ленинграде. До войны у меня была семья: мама, папа, братья и сёстры. Наверное, я была счастливой, потому что жила в таком чудесном городе на Неве. В одно мгновение ничего этого не стало: началась война, город Ленинград был блокирован, родители погибли, а я оказалась в детском доме малютки №30 Свердловского района. Я не знаю, как умерли мои родители, возможно, отец погиб на фронте, а мать умерла от голода, отдавая мне последний кусок хлеба. В октябре 1942 года эвакуированных детей привезли в село Боровлянка Алтайского края. Нас поселили в старом бараке по улице Советской. Сейчас на этом месте находится двухэтажное здание, где разместилась леспромхозовская контора и столовая. В холодном бараке были сооружены нары, где мы спали. Помню девочек старше меня, которые играли со мной, а вот мальчиков было совсем мало. Мы постоянно ждали своих мам и надеялись, что они нас обязательно найдут. Все дети болели, поэтому всё время лежали в постели. Питание было скудное, наши воспитатели ходили по дворам, выпрашивая для нас продукты питания. Жители не отказывали, помогали чем могли, во многих семьях дети тоже голодали, ведь война не щадила никого. Я плохо помню события той жизни, но мне рассказывали, что я постоянно называла имя Андрюша. Кто он, я не знаю, может быть, так звали моего отца или брата. Впоследствии в свидетельстве о рождении записали отчество Андреевна в надежде, что со временем отыщутся родственники из Ленинграда. Однажды к нам пришли две женщины, среди которых была Паксеева Анна Тихоновна. Она была одета в белую кофточку с голубыми васильками и чёрную юбку. У неё была длинная коса. Сначала Анна Тихоновна подходила к

старшим девочкам и говорила: «Я ваша мама». Но девочки помнили своих мам и отвечали ей, что она не их мама. Потом Анна Тихоновна подошла ко мне и сказала: «Вот моя дочка, как долго я тебя искала». Я очень обрадовалась, что наконец-то мама меня нашла, бросилась к ней, и мы обе заплакали. Новая мама обняла меня, и я больше не захотела оставаться в детдоме. Меня одели в чёрное платье не по росту и обули в ботинки не по размеру, тогда все наши так ходили. Как только приёмная мама привела меня в свой дом, она сразу же на швейной машинке сшила для меня платьице из сатиновой наволочки, на ноги мои примерила какие-то туфельки, чему я была несказанно рада. С этого времени у меня был свой дом и своя семья, куда часто приходили мои детдомовские подружки. Мама Аня и её сестра Груня радушно их привечали, угощали варёной картошкой. Постепенно я стала привыкать к жизни в селе, но отношения с сельскими ребятами складывались трудно. Мне было обидно, и я часто плакала от такой несправедливости. Летом детский дом перевели в другое село, многие воспитатели и нянечки уехали вместе с детьми. 23 октября 1943 года все документы на удочерение были готовы, и я стала Паксеевой Ниной Андреевной. Приёмные родители обязались перед поселковым Советом воспитать меня до совершеннолетия по всем правилам закона и опеки, что и благополучно выполнили. Впоследствии я вышла замуж за Смирнова Николая, получила профессию бухгалтера. Я работала, воспитывала дочерей Ольгу и Нину, которые подарили мне трех внуков, одну внучку и двух правнуков. В моей памяти часто всплывают картины проживания в детском доме, когда мы ходили с подружками на Комсомольское озеро, которое в данное время высохло и поросло травой. Когда я бываю на месте бывшего детского дома, то всегда плачу: 88 деток похоронены на сельском кладбище, где я часто навещаю их могилки. Вечная им память

и покой. Воспоминания о детстве и пребывании в детском доме предстают в моей памяти не в радужном цвете. Всё мною уже пережито, но это никогда не забудется. Я не знаю, кем бы я была, если бы не та проклятая война, наверное, счастливой и любимой. Я благодарна всем, кто помог мне выжить в те страшные годы, и желаю никогда не испытать ужасов военного лихолетья, что пришлось пережить детям блокадного Ленинграда.

Ломакина-Смирнова Н.А.
с. Боровлянка

ЭТО ПАМЯТЬ СТУЧИТСЯ В НАШИ СЕРДЦА

Блокадный Ленинград. Ты острой болью вонзился в сердца тех, кто дыханием своим, своей жизнью согревал тебя, давал надежду и вселял веру. И ты воскрес, поднялся из пепла. Но помнишь ли ты детей своих, младенцев горьких, что тысячами грузили в вагоны и отправляли под присмотром юных нянь подальше, в глубь России? Детей хотели спасти, но они, обессиленные и измождённые блокадной жизнью, умирали сотнями в многодневной дороге в Сибирь и на Дальний Восток. Поэтому, когда детей-малюток привезли в Боровлянку Троицкого района, они продолжали умирать. Питание было скудным, местные жители выручали картошкой, капустой, тыквой, отрывали от себя последнюю крошку хлеба, но спасти детей так и не смогли. Хоронили их на местном кладбище. 88 могилочек долгие десятилетия напоминают боровлянцам о войне убедительнее всяких газет и призывов. И пришёл час: сельский библиотекарь Березикова Екатерина Анатольевна поняла, что именно она должна сделать первый шаг по увековечению памяти детей блокадного Ленинграда. Являясь депутатом районного Совета, она объединила вокруг себя истинных энтузиастов, которые по крупицам собирали сведения о похороненных и оставшихся в живых блокадниках. Её помощницей во всех делах была Куракина Ольга Николаевна, с которой они не только составили списки умерших детей, но записали воспоминания очевидцев того времени: Крахмалёвой Н.Ф., Ломакиной-Смирновой Н.А., Субботиной К.Ф. На старом кладбище притулились ряды холмиков с покосившимися безымянными крестами, которые земля постепенно прибирает в свои кладовые. Холмики всё больше становятся впадинами: продолговатые, они тянутся чередой от вершины холма к самому обрыву, бывшему когда-то берегом озера. Именно здесь, на месте захоронения, в 2000 году был

воздвигнут и освящён крест, который изготовили при активном содействии главы сельсовета Фомина Владимира Егоровича жители: Легостаев Юрий, Ки-рин Владимир, Ташматов Владимир, Уманчук Михаил. Настоятель Свято-Троицкой церкви называет все имена погребённых под сенью православного креста детей-блокадников. Порывы ветра разносят слова молитвы и имена усопших: Вася, Вера, Коля... 88 имён детей в возрасте от полутора до пяти лет. Березикова Е.А. и Куракина О.Н., встав на путь поиска, конечной целью его видят не только со-здание экспозиции в школьном музее о малютках-блокадниках, но и памятника в их честь.

Елизарьева Тамара
с. Троицкое

Православный крест на могилах детей-блокадников, установленный в 2000 году на Боровлянском кладбище

СЫНОК ВАНЮШКА

Посвящается ленинградскому мальчику Ване

Мороз сковал засыпанные снегом берёзы и сосны. На деревню тихо опустилась ночь. Всё в посёлке заснуло, не спится только деду Архипу. Он, как старая сосна, врос корнями в этот лесной посёлок: здесь родился, здесь женился, отсюда проводил на фронт единственного сына, о смерти которого недавно получил страшную похоронку. Тётка Дарья, так звали его жену, от такого известия слегла тогда на месяц. Только неделю назад стала медленно передвигаться по избе, бесцельно переставляя нехитрую посуду. Она подолгу застывала на одном месте, сидела у печи, в которой громко потрескивали горящие поленья. Дед Архип свою Дарью старался всячески поддержать: то чаем напоит её, то еду какую сварит на скорую руку, то разговорами займёт. Заваривая в кособоком чайнике большую горсть шиповника, он вдруг спросил:

— Дарьюшка, а грибы-то сухие в чулане были. Не помнишь где?

— Да там, в туесе на полке. Грибов что ли захотел?

Дед немного помолчал, а потом в раздумье сказал:

— Да детишки там из Питера. Прошлой неделей привезли. Отнести чуток. Уж больно худые да болезные они.

Тётка Дарья подняла глаза, первый раз за весь месяц осмысленно спросила:

— И много их там?

— Да, кажись, человек тридцать, — сокрушённо махнул рукой дед Архип, и вдруг замолк. Не сказал жене, что, проходя мимо барака, где проживали ленинградские детки, вдруг остановился. Что-то его остановило, а что он сам себе так и не мог объяснить. Повернув голову в сторону барака,

он увидел в окне мальчонку лет четырёх, который сидел на подоконнике и чертил незамысловатые знаки на замёрзшем стекле. Увидев деда с густыми бровями, в лохматой шапке, малыш испугался и отшатнулся от окна, но, стрельнув в Архипа любопытным взглядом, вновь устоял в отогретые слабым дыханием кусочки стекла. Долго ещё дед Архип оглядывался на барачное окно с прильнувшим к стеклу малышом, а придя домой, долго не заходил в избу, бродил по двору, зачем-то поправляя поленницу дров, потом пошатал прогнившие насквозь ворота сарая. Всё бы надо подремонтировать, да зачем? Коровы-то всё равно нет. Ночью деду Архипу не спалось, ворочался с боку на бок, но заснуть так и не смог: всё глазёнки эти в окне видел. Утром, растопив наскоро печь, вышел, сутулясь, в сени, где раскрыл старый деревянный ларь, куда на зиму ссыпали клюкву. Не уродилась нынче клюковка: на самом дне она рассыпана тонким слоем. Потревожил её рукой, и она откликнулась, потекла хрустальным звоном между пальцев. Сыну берегли. Любил он кисель из клюквы, густой, тягучий. Горестно вздохнув, дед Архип торопливо, но бережно, чтобы не рассыпать ни одной ягодки, насыпал несколько больших горстей на тряпицу, завязал туго узлом и спрятал за пазуху. Затем он закрыл ларь и, плотно притворив дверь амбара, вышел на морозный воздух. Быстро шёл дед Архип по безлюдной сельской улице к барачу, где поселили детей из блокадного Ленинграда. Подойдя к детдому, он долго не мог решиться войти, топтался на крыльце, по-стариковски кряхтел, потом резко открыл дверь и вошёл в полутёмный коридор.

– Чего тебе, дедушка Архип? – спросила Глашка, бойкая соседская девчонка лет пятнадцати, работавшая нянечкой в младшей группе детей. Дед замямлил, престапая с ноги на ногу:

– Да вот, так сказать детишкам, вот принёс, киселя наварите... Клюква-то она полезительная...

И не найдя больше чего сказать, рванул к двери, как бы боясь, что его остановят и вернут ему его клюкву.

— Деду, а ты чей? — вдруг услышал он позади себя охрипший, но по-детски звонкий голосок. Обернувшись, он увидел вчерашние бойкие глаза и чуть не осел на пол, вовремя за косяк схватился:

— А ты чей будешь, малец? — спросил дед малыша, унимая в голосе дрожь, а сам боялся в его глаза смотреть: сыновы глаза-то были!

— Я папкин и мамкин буду, — бойко отчеканил мальчик.

— А где же они у тебя, сынок?

— Мамка померла, а папка фашистов бьёт!

Тут только разглядел дед Архип мальчика. Волосы светлые, коротким ёжиком торчат, ручки тонкие, из коротенькой рубашонки плечико выставилось. Вынул старик из кармана старого тулупа кушечек сахара, ещё довоенного, пожелтевшего уже, и протянул детдомовцу:

— А зовут-то как тебя, сынок?

— Ваней зовут, — быстро схватил он сахар, и, сверкнув голодными глазёнками, проговорил:

— Я Катьке дам полизать и Петеньке, они очень болеют. — Хотел уже бежать, но остановился и с надеждой в голосе и глазах спросил: Деду, а ты ещё придёшь?

— Приду, Ванечка, приду, родной! — сквозь охватившее волнение прошептал дед. Опомнился только у магазина, и ещё долго ему слышался голосок мальчика: «Деду, а ты придёшь?»

Через несколько дней дед Архип, проходя мимо кладбища, увидел баб, склонившихся над телегой, где в ряд стояли четыре гробика. На негнущихся ногах подошёл он к телеге, рукой смахнул набежавшую слезу. Марья, жена Петра, прошептала сквозь слёзы: «Отмучились, сердечные, крошки ведь совсем, сердце заходится, глядя на них бо-

лезных. Эх, война проклятушая, когда же она кончится?»

– Кончится, Марья, кончится! Побьём мы ока-
янных фашистов, – ответил с уверенностью Пётр и с
размаху вогнал лопату в свежий бугор комковатой
земли. А тётка Марья продолжала голосить, приго-
варивая:

– Это Полечка, ей три годика всего-о-о! А
это Зиночка, до полутора годиков не дожила. А
это Славик. Сегодня ночью умер родимый, всё мам-
ку звал.

Марья покачнулась и села в сугроб, продолжая
голосить над похороненными детками, которых не-
кому было утешить в их последнюю минуту жизни.
На следующее утро дед Архип долго лежал на печи,
слушая стук старых ходиков на стене. Дарья уже
гремела ухватом, вытаскивая из печки чугунок с
картошкой. Архип поднялся, повозился с пуговица-
ми на рубахе, сел у окна.

– Мороз опять, – сказал, лишь бы что-то ска-
зать.

– Я тут, Архип, картошки в котомку насыпа-
ла... Ты, слышь-ка, снеси детишкам-то, – тётка
Дарья показала ему на приготовленную картошку,
перекрестилась перед иконой и тихо присела на
скамейку рядом с Архипом. Старик в большом вол-
нении направился к бараку, навстречу к нему вы-
бежал Ваня, сверкая глазёнками:

– Деду, ты ко мне опять пришёл?

– К тебе, милый, к тебе, родной! – Он погла-
дил малыша по белёсой головке, и слёзы закипели
на его глазах, скатываясь крупными горошинами по
лицу. И вдруг он сурово спросил:

– Глафира, а кто тут у вас главный?

– Зачем тебе, дедушка, главный?

– Надо! – сурово ответил он, не мигая глаза-
ми.

Долго беседовал дед Архип с директором детдома
малютки Полиной Сергеевной. Затем он вышел из

комнаты, прижав руки к груди, а следом за ним вышла и Полина Сергеевна:

– Глаша, одень Ванечку. Он вместе с Архипом Даниловичем пойдёт. Как запрос получим, я вам передам. Всего вам хорошего, добрый человек! Спасибо вам! Забыв о больной спине, шёл Архип с Ваней за руку по улице, по сторонам не смотрел. Мальчик доверчиво прижимался к нему:

– Деду, а мы куда идём?

– Домой, Ванюша, домой, родной! Сейчас тебя баба Даша горячей кашей накормит, – отвечал дед, ласково обнимая малыша, а, зайдя в избу, сказал:

– Ну вот, Дарья, это Ваня. Сыном нам будет.

Тётка Дарья всплеснула удивлённо руками, тихо осела на лавку. Посапывает во сне мальчик, из блокадного Ленинграда малыш, навсегда нашедший свой дом в занесённой снегом Боровлянке. И ещё долго сидели у кровати две сторбленные фигуры, смахивая с пожелтевших щёк скупые стариковские слёзы, дед Архип и тётка Дарья.

Хлюст Ольга
с. Боровлянка

МАЛЮТКА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

НЕГАСИМЫЙ ОГОНЬ ПАМЯТИ

Самая нетленная память — это память, которая, переходя от поколения к поколению, вечно будет гореть в сердце народном. Бывают события, даже весьма значительные для своего времени, которые по истечении десятилетий стираются из памяти людей и становятся достоянием архивных хранилищ. Но есть события, значение которых не тускнеет от неумолимого бега времени. К таким событиям относится победа советского народа в ВОВ. Память об этом событии не подвластна времени: бережно хранимая и предаваемая от поколения к поколению, она переживает десятилетия. Память о прошлом. Нет, это не просто свойство человеческого сознания, его способность сохранять слёзы минувших дней. Память — это связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. По всей стране в граните, в бронзе, в металле высятся памятники городам и сражениям, воинам и героям, партизанам, матерям и жёнам, кто на фронте и в тылу ковал священную Победу. А ещё в нашей стране воздвигнуты памятники детям войны, которые наравне с взрослыми мужественно переносили страшные тяготы военного лихолетья. Жители Боровлянки в годы войны снабжали фронт не только лесом и продуктами питания, но солдатами. Тысяча четыреста жителей Боровлянки погибли в годы Второй Мировой войны. Из семейства Таракановых ушли на фронт 8 человек, вернулся только один Александр, а его отец Степан и остальные родные погибли в боях за Родину. Боровлянцы помнят о подвиге своих земляков и делают всё, чтобы увековечить память о них. Сначала в центре села были установлены два деревянных памятника, посвящённых борцам революции и подвигу земляков годы ВОВ. Учащиеся Боровлянского ремесленного училища под руководством Сафронова И.В. в 1955 году поставили первый памятник по проекту учителя Кулаженкова Е.Ф. *Второй памятник был установлен в 1965 году к 20-летию Победы СССР во Второй Мировой войне. Под руководством Крахмалёва Леонида Андреевича была проведена большая работа по увековечению памяти*

погибших воинов-земляков. Рабочий комитет Боровлянского ЛПХ во главе с Ивановым А.В. осуществил заказ памятника в Москве, откуда его привёз секретарь парткома Рогачёв А.Г.. В 1975 году, к 30-летию Победы, между двумя бывшими памятниками поднялась величественная фигура воина-освободителя с ребёнком на руках. Это было знаменательное событие для всех жителей села, но особенно признательны были участники войны и родственники погибших, потому что высеченные на плитах фамилии лучше всяких слов подтверждали, что «никто не забыт и ничто не забыто». Право снять покрывало с фигуры воина-освободителя было предоставлено кавалерам боевых орденов и медалей Евсину Михаилу Михайловичу и Волкову Ивану Дмитриевичу. Огромная роль в сооружении памятников принадлежит главе сельского Совета Фомину Владимиру Егоровичу и рабочим Боровлянского ЛПХ: в 2005 году были установлены новые плиты с именами погибших земляков. Не остались в стороне жители Боровлянки в вопросе увековечения памяти детей блокадного Ленинграда, эвакуированных в наше село в 1942 году. Здесь дети проживали в трёх домах, 88 малюток умерли и были похоронены на сельском кладбище. Все эти десятилетия активисты ведут сбор материала о детях-блокадниках. Благодаря главе Сельского совета Фомину Владимиру Егоровичу, депутату Березиковой Е.А., социальному работнику Куракиной О.Н., учителям и ученикам Боровлянской школы были установлены не только списки похороненных детей, но и в 2000 году воздвигнут и освящён православный крест на месте их захоронения. В 1911 году ученики и учителя Боровлянской школы задались целью создания памятника в честь детей блокадного Ленинграда. Под руководством учителя Хлюст Ольги Григорьевны в школе оформлены экспозиции о подвиге жителей села в годы ВОВ, где представлен уникальный материал и о жизни детей-блокадников.

Евсина Аза
с. Боровлянка

Памятник ВОИНУ-ОСВОДИТЕЛЮ в с. Боровлянка

В ПОДГОТОВКЕ ПРОЕКТА ПАМЯТНИКА ДЕТЯМ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ ПРИНЯЛИ ЖИТЕЛИ С.БОРОВЛЯНКА, В ТОМ ЧИСЛЕ ФОМИН ВЛАДИМИР ЕГОРОВИЧ И УМАНЧУК НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ

СТРАШНЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ – ГРОЗНЫЕ ГОДЫ БЛОКАДЫ

Я коренная жительница села Петровка Троицкого района Алтайского края. Заинтересовавшись историей своего села, я вместе с учителем истории Паршиковой Н.А. выяснила, как во время войны сюда попали дети блокадного Ленинграда. Казалось бы, Петровка так далеко от этого города, но и здесь жителей, далеких от войны, коснулась трагедия человеческих судеб, их проблемы. Блокадные времена – небывалые времена. Можно уходить в них, как в нескончаемый лабиринт таких ощущений и переживаний, которые сегодня кажутся сном или игрой воображения. Тогда это было жизнью, из этого состояли дни и ночи. Война в Ленинград ворвалась внезапно, и все мирное пропало как-то сразу, очень быстро гром и огонь сражений приблизились к городу. Там, где астрономы Пулковской обсерватории в тишине ночей наблюдали тайны неба, где, по предписанию науки, было вечное молчание, воцарился непрерывный грохот бомб, артиллерийской канонады, свист пуль, гул обваливающихся стен. Над всей трагической неразберихой грозных дней, над потерями и известиями о гибели и разрушениях, над тревогами и заботами, охватившими город, господствовал гордый дух сопротивления, ненависти к врагу, готовности сражаться на улицах и в домах до последнего патрона, до последней капли крови. Над городом полыхало пламя пожаров. Наступили дни, которые не смог бы выдумать самый неумный писатель-фантаст. Война поставила человека на край бездны, как будто проверяла, на что он способен, чем он жив, где берет силы. В наше мирное время трудно представить, что так было. Читая книги о том страшном периоде, мы представляем картины происходящего. Но это все не то. Это просто воображение, которое далеко от реальности. Не сумев сразу захватить город, гитлеровцы усилили его бомбардировки. Бомбы обрушивались на жилые

дома, госпитали, школы, многочисленные ленинградские музеи. Гибли тысячи людей. Во время бомбёжек сторели многие продовольственные склады города. Когда наступила зима, прекратилась навигация по Ладожскому озеру, снизился до минимума подвоз продовольствия. Жителям города пришлось тяжело. Выдаваемый по карточкам паек значительно сократился. Ленинградцы голодали. Многие умирали от истощения. Но и это испытание не сломило дух народа: в городе работали многие предприятия и заводы, которые давали фронту оружие и боеприпасы, в школах учились ученики. Женщины могут гордиться тем, что в условиях блокады они сохранили детей. В первый месяц войны многие дети были эвакуированы из Ленинграда на Большую Землю, где ребят отправляли по районам, где жители оказывали посильную помощь попавшим в беду малюткам. Одним из них оказался Троицкий район Алтайского края. Осенью 1942г. в село Боровлянка прибыл эшелон с эвакуированными ленинградскими ребятами. Местные жители, сами голодные, старались помочь измученным блокадой детям. Со слезами на глазах они смотрели на несчастных детей, кормили их картошкой и лепёшками, но не все дети могли есть. У некоторых в глазах было полное равнодушие к пище - это значит, что дистрофия приобрела необратимый характер. Дети стали умирать от истощения по три-четыре человека в сутки. Хоронили их на старом Боровлянском кладбище, где со временем под березами позарастали травой маленькие земляные холмики. Долгое время жители села не могли ответить на вопрос, сколько их было, сколько их умерло? Детские дома в июле 1943 года в Боровлянке были расформированы, а детей перевели в Петровский дом малютки. В нашем селе ребята прожили до 1953 года. И всё это время жители помогали, чем могли. Некоторые мои односельчане работали в том детском доме. Лукина Александра Семеновна была кладовщиком и воспитательницей. Она хорошо помнит о том, как тяжело жилось малюткам-блокадникам: «Было три группы: грудничковая, старше трех лет и подростковая. Женщины села приходили и кормили грудных детей, другим просто приносили пищу и одежду.

Детки стойко переносили все трудности и болезни, даже редко кто из них плакал». Моя двоюродная бабушка Свирина Валентина Васильевна тоже работала медсестрой в детском доме. По ее рассказам, дети постепенно выздоравливали и были уже не такие слабые, но «шрам» от пережитого на сердце у них остался навсегда. Между отдалённым сибирским селом и легендарным Ленинградом далеко не близкое расстояние, но и моих односельчан затронули страшные годы блокады. Прошли годы. Умерли многие свидетели этих событий, жалостливые и участливые женщины Боровлянки и Петровки, но жива еще память о ленинградских детях, жертвах войны. На месте захоронения ленинградских детей в Боровлянке поставлен православный крест с мемориальной доской. Дети, похороненные в алтайской земле, обрели покой, а жители – душевное равновесие потому, что увековечили их память.

Свирина Валентина Васильевна (в центре)
с детьми – сиротами.

Ющук Анастасия
с. Петровка

Я ПОМНЮ ИХ ВСЕХ ПОИМЁННО

Петровский дом малютки был создан давным-давно. Ленточный бор, свежий воздух и близость железной дороги создавали хорошие условия для проживания детей-сирот. Поэтому в июле 1943 года, после расформирования Боровлянского детского дома, детей-блокадников перевели в Петровский детский дом. Сюда же были привезены и воспитанники Хайрюзовского детского дома, большинство из которых составляли калмыки, но были среди них и ленинградские дети. Я в те годы работала кладовщиком и воспитательницей. В трёх группах вместе со мной работали посменно шесть воспитательниц. Дети нуждались в отдельном уходе, так как были очень ослаблены заболеваниями: почти у всех была дистрофия, цинга и рахит. Многие дети отказывались от еды, в основном лежали в постели, около них постоянно дежурили нянечки и медсестры. Медсёстры Мария Арсентьевна Гусельникова, Мария Фроловна Вяткина, Ядвига Антоновна Белоглазова и воспитательницы, в том числе Валентина Васильевна Свирина, все эти годы, как могли, спасали своих подопечных. Умерших детдомовцев хоронили на Петровском кладбище всех подряд: и калмыков, и блокадников и других сирот. После окончания войны стало жить легче: лучше стало снабжение питанием и лекарствами, одеждой и обувью. Прошло семьдесят лет с той поры, но я чётко помню лица этих ребятишек, какие они были больные и несчастные, как хотели, чтобы мамы и папы приехали за ними. Они и нас называли маммами, ходили к нам в гости и хотели остаться в наших семьях. В 1953 году детский дом был расформирован, детей распределили по детдомам Алтайского края, а здесь был открыт дом малютки для детей в возрасте от 0 до 3х лет. В 1964 году

дом малютки закрыли, а помещение переоборудовали под туберкулёзную больницу.

Лукина Александра Семёновна

с. Петровка

ЭТО ПАМЯТЬ СТУЧИТСЯ В МОЮ ДУШУ

Едва пробежав глазами первые строчки публикации о сооружении памятника в честь детей-блокадников корреспондента Бодаговой Анны в «Алтайской правде», я долго и горько плакала. Плакала о своей искалеченной судьбе, о том, что не помню лиц своих родителей, что живу без роду и племени, что не знаю своего настоящего имени. При рождении меня нарекли Лией, а при удочерении меня стали называть Лилией. Я не помню, как оказалась среди детей, которые в 1942 году были эвакуированы в с. Боровлянка Алтайского края. Мне было тогда всего три года. Я как будто родилась в Боровлянке, с неё и начинаются мои воспоминания. Первое, что я помню о себе: мы с подружками сидим у окна детского дома на деревянной лавке. День солнечный. Мы измеряем друг у друга коленные чашечки и спорим, у кого колени больше. Второе воспоминание самое волнительное в моей памяти: воспитательница построила нас в рядок лицом к двери. Через стеклянное окошечко двери на нас смотрят какие-то люди, а потом открылась дверь, и мне сказали: «Лия, за тобой мама приехала!» Я кинулась на шею вошедшей в комнату женщине, крепко обняла её ручонками и уже больше не отпускала. Мама несла

меня на руках, время от времени передавая своей сестре. Иногда я немножко сама бежала, но ноги мои плохо слушались, и я часто падала, но мне ничего не было страшно: ведь теперь со мной была моя мама! И только спустя некоторое время я стала задавать маме вопросы, на которые она отвечала без всякого желания: «Где у тебя кудри? (развились). Где твой браслет? (потерялся). Почему ты не красишь губы? (помада закончилась). Где кожаное пальто папы? (порвалось)...» Как молитву я твердила песню о том, как гитлеровцы удирают назад от Ленинграда. Может, эту песню сочинили в моей семье, потому что больше нигде я таких стихов не встречала:

Немца, румына и финна война в объятья взяла.

Их бьёт, трясёт, морозит и рвёт.

Гитлера войско от страха ревёт:

- Где же наша победа?

- Где Москва, Ленинград?

- Нам обещали, нас заверяли,

А мы удираем назад?!

Из Боровлянки меня привезли в с. Буланиха Зонального района. Мамой мне стала Казанина Василиса Игнатъевна, а её сестра Суворова Мария Игнатъевна – моей крестной: именно она покрестила меня в Успенском соборе г. Бийска. Сердобольные жители села часто меня расспрашивали о прошлой жизни, и я им отвечала: «В городе бомбят и стреляют, и нас убивают». Страх смерти был так велик, что я ещё долго, ложась спать, говорила: «Господи, хоть бы до завтра дожить!» Я была очень слаба и болезненна: у меня постоянно болели живот и голова, а за ухом было углубление от раны. Меня выносили, выучили и вывели в люди мои приёмные родители. Благодаря им, я закончила институт, но из-за их же опасения потерять меня я лишилась сведений о моей ленинградской семье. Однажды я увидела синенькую бумажку: «Свидетельство о рождении Журавлёвой Лии Петровны, 12 мая 1939 года рождения, место рождения г. Ленинград». Я чётко запомнила этот документ, потому что с детства обладала великолепной памятью. Эта информация всю жизнь не выходит из моей памяти, также как и «Свидетельство об удочерении», кото-

рое состоялось не в Боровлянке, а почему-то в Савиновском или Соколовском детском доме. Моя приёмная мать была неграмотной и очень больной женщиной, поэтому моим воспитанием в основном занималась моя крёстная мать. Боясь потерять меня, они уничтожили документ об удочерении и ленинградское свидетельство о моём рождении: возможно, их напугал приезд из Ленинграда одного мужчины, который искал свою дочь в с. Буланиха. Кто это был? Возможно, мой отец? Именно после этого случая состоялся такой разговор с мамой:

- Лиля, если бы отыскался твой настоящий отец, ты поехала бы с ним?

- Да, конечно, поехала бы, - ответила я.

- А как же я?» - взволнованно воскликнула мама.

- А мы взяли бы тебя с собой, - сказала я и обняла её за шею. На все мои запросы в Ленинград и детские дома Алтайского края я и не получила никаких ответов. Мне так хочется приоткрыть завесу над тайной моей настоящей семьи, услышать от родных слова благодарности моим приёмным родителям.

Журавлёва-Яковлева Лилия Степановна
г. Заринск

Я ПОМНЮ ДЕТЕЙ ЛЕНИНГРАДА

Детский дом в селе Хайрюзовка сначала размещался в колхозной конторе, где в трёх комнатах были сооружены нары для спанья и столы для питания детей-сирот. В 1946 году детский дом перевели в Хайрюзовскую начальную школу, где в классах оборудовали спальни для трёх групп, а в самой большой комнате проходили занятия. В детдоме проживали в основном дети – калмыки, но были среди них и ленинградские ребята, а также сироты из сёл Троицкого района. В 1946–47 годах я работала воспитателем в этом детском доме. Директором детдома был Сидоров Иван Игнатьевич, а его жена Алла Прохоровна – воспитательницей. Вместе со мной работали Матрохина Анастасия Фаддеевна, Неверова Евдокия Петровна, Толмачёва Мария Федотовна, завучем был Субботин. Работала в нашем детдоме женщина-врач, которая была списана из действующей армии из-за тяжёлого ранения. Она всегда ходила в военной гимнастёрке, прихрамывая на раненую ногу. Ленинградские ребята отличались своей изобретательностью и хорошей учёбой. Особенно всем нравился мальчик Лавренюк Вася, который был заводилой во всех играх. Впоследствии Васю его отец увёз в Ленинград. Девочку Душенкову Лиду, которую все называли «Душой» за её доброту и любовь к малышам, разыскала родная мать. Лида окончила школу с золотой медалью, а затем и Новосибирский архитектурный институт. В октябре 1947 года наш детский дом закрыли, а детей и персонал перевели в Петровский детдом. Детей в эти годы кормили неплохо, уход был хорошим. Я очень жалела несчастных ребят, потому что сама осталась без отца, который погиб на фронте. Как-то незадолго до праздника Победы я достала письма отца с фронта. Последнее письмо мой отец Семейкин Александр написал 20 августа 1942 года из Сталинграда, где он и погиб. Среди писем я нашла листок со словами песни, услышен-

ной мною весной 1942 года в Хайрюзовском клубе. Эту песню исполняла под гитару эвакуированная из Ленинграда женщина. Зал был полон народа. Стояла такая тишина, что были слышны всхлипывания женщин. Я навсегда запомнила эту песню и иногда её пою в память о тех суровых годах.

Хорошие письма из дальнего тыла

Сержант от жены получал.

И сразу, пока душа не остыла,

Друзьям по оружию читал.

Писала, что родиной стала чужбина,

Далёкий сибирский колхоз.

Жалела, что муж не оставил ей сына:

Отца дожидался б и рос.

Читали, улыбки свои не скрывая,

Читали и слёз не тая.

Хорошая другу досталась подруга.

Будь счастлив, товарищ сержант!

Пошли ей, солдат, фронтовые приветы,

Земные поклоны от нас,

Совет да любовь, ласковых деток,

Когда прогрохочет война.

Но ночью прорвали враги оборону:

Солдатам грозила беда.

И пал он обычною смертью героя,

Заветный рубеж не отдав.

Друзья собрались и жене написали,

Как младшей любимой сестре:

«Поплачь, дорогая, убавишь печали,

Поплачь ты о нём, о себе».
Ответ получили в знакомом конверте,
Зелёном, как листья весной.
И всем показалось,
Что не было смерти,
Что рядом их друг боевой.
«Спасибо за дружбу, отважная рота,
Но знайте, - писала она, -
Не плачет, жена патриота,
Пока что бушует война.
Когда же сражения смолкнут раскаты
И каждый домой заспешит,
Тогда я заплачу, заплачу, солдаты,
По жёнам заплачу навзрыд».

Семейкина-Часовских Зинаида Александровна
с. Хайрюзовка

ГОРЕ ПОРОДНИЛО ЛЮДЕЙ

С первых дней войны жители Ленинграда поднялись на защиту родного города. Партийная городская организация создала в городе 10 дивизий ополчения, 16 пулемётно-артиллерийских батальонов, несколько подразделений МПВО. Тысячи ленинградцев вступили в партизанские отряды, более пятисот тысяч горожан строили оборонительные рубежи, выпускали военную продукцию. Горе породнило и объединило людей в самые страшные и тяжёлые годы блокады. Отрезанные от страны, они мужественно и стойко боролись за своё выживание, за спасение детей, которые наравне со взрослыми испили страшную чашу нечеловеческих страданий. Детей спасали всеми способами: матери отдавали последний кусок хлеба, в школьных столовых заваривали мучную болтушку, солдаты фронтовых подразделений тоже делились скудным пайком. А ещё их хотели спасти эвакуацией, надеясь, что в Сибири, на Урале, в Казахстане, на Алтае, где их поддержат, накормят, вылечат. На восток и юг, подальше от войны, шли поезда с голодными и изнуренными людьми. С появлением ленинградцев в нашем селе Талдинка у местных властей возникли большие проблемы: где разместить эвакуированных, чем накормить, как уберечь от смерти детей-блокадников? Прибывшие из Ленинграда люди были распределены в семьи талдинских жителей, которые бескорыстно приняли, оботрели, накормили измученных долгой дорогой ленинградцев, среди которых было много ребятишек. В наш дом тоже поселили такую семью. Мы с мамой радостно приняли тётю Зину и её маленькую дочку Тому, которая быстро освоилась с хозяевами и домашними обитателями: кошками и собаками. У неё была любимая игрушка – тряпичный Мишка, с которым она почти не расставалась.

- Я пошла в магазин, а ты сиди дома, уложи Мишу спать, - напутствовала меня пятилетняя Тома, а через минуту, вернувшись из «магазина» и не обнаружив игрушечного Мишку в постели, отчитывала меня:

- Так нельзя делать. Миша хочет спать. А почему он не спит?

Мне было восемь лет, и я терпеливо сносил все её придирки: стоило пацану связываться с маленькой девчонкой! Тётя Зина и Тома питались вместе с нами за одним столом: благо картошка у нас с матерью была круглый год, овощами и ягодами тоже запасались на всю зиму, корова давала молоко и даже выполняла не свойственную ей лошадиную функцию. А вот с хлебом были перебои, но мама с тётей Зиной ухитрялись поддержать наши детские организмы от истощения. Для сельских ребятишек приезд ленинградцев был неожиданным и постоянно вызывал интерес: какие дети придут к нам в школу? Фамилии многих ребятишек я помню до сих пор, всегда вспоминаю не только их лица, но и их умение быстро адаптироваться в новом коллективе. Нас удивил своими способностями к рисованию Володя Антоневи́ч: он рисовал с натуры и затем нам раздавал эти «портреты» на память. Помню Эдика, Славу Кальянина, Витю Суркова, но лучшим моим другом был Аркаша Хитров. Мы бывали с ним повсюду вместе, а его мать, Анна Алексеевна, учила нас в школе. Из старших девочек я всегда вспоминаю Валю, Лялю и Дору Десяткову. Помню я и своих сверстниц: Енину Суркову, сестёр Суликовых, Валю и Веру Сицко. Распрощавшись с голодом, эвакуированные скоро приобрели здоровый вид, обзавелись знакомыми, играли и ворожили на картах, вызывая «дух» Ленина и Крупской, и сами же смеялись над своей затеей. Ленинградцы вели нормальный образ жизни, освоились настолько, что нам казалось, что они здесь жили всегда. Ни один

из них не умер, все благополучно встретили радостное известие о снятии блокады 27 января 1944 года. Общее горе настолько нас сплотило и породнило, что при расставании все плакали. Я тоже мучительно переживал предстоящую разлуку с одной девочкой, которая мне очень нравилась, с ней я дружил и без неё не мыслил своё детское существование. Прошли годы, в течение которых я не раз мечтал о нашей встрече. И вот эта встреча состоялась в 1955 году во время моей службы в Ленинградской области. В разгар летних ночей мы с Верой гуляли по Невскому проспекту.

- Вон твой Кронштадт, - показала Вера рукой в сторону Финского залива, в дымке которого виднелся силуэт легендарного города. Мы остановились, и Вера спросила:

- Расставание надолго?

- Осенью обязательно встретимся: моя служба заканчивается.

- Я 12 лет ждала от тебя ответ из Талдинки, все эти годы жила воспоминаниями и грёзами о нашей встрече. Почему ты не ответил на моё письмо?

- Вера, я не смог сразу ответить, а потом письмо затерялось. Извини, родная, я очень сожалею об этом, особенно сейчас, когда моя служба проходит в Кронштадте, совсем рядом с тобой. Всё это время я жил тоже надеждой встретить тебя. И вот, как видишь, встретились.

- Надолго?

- Думаю, что навсегда. Мне осталось служить полгода. Полюбить в восемь лет - это серьёзно и навсегда?

- Серьёзно и навсегда! - с надеждой и уверенностью повторила Вера.

Всю белую ночь мы прогуляли с нею по городу-герою, а утром со слезами на глазах и болью в сердце расстались. Я поспешил на буксир, увёзший меня для прохождения службы в Кронштадт, а Вера ещё долго смотрела мне вслед и махала рукой на прощание. Но не суждено мне было ещё раз побывать в этом городе, пройти по Невскому проспекту, полюбоваться красотой Исаакиевского собора и ещё раз встретиться с любимой девушкой. Судьба распорядилась по-своему, но память вновь и вновь возвращает меня в годы детства и юности.

Герасимов Николай

с. Талдинка

И ТАКОЕ БЫВАЛО

Многие мои земляки из Троицкого района попали на Ленинградский фронт и участвовали в битве за Ленинград. Я был определён поваром на фронтовой кухне, это была ответственная и трудная служба: приходилось готовить еду иногда на пятьсот человек и более. Несмотря на постоянные бомбёжки, мы с подручными старались накормить бойцов горячей пищей хоть один раз в сутки. Иной раз привезём термосы с едой, а кормить некого: почти все воины полегли в бою, а оставшиеся в живых были покалеченные и контуженные, так что со слезами на глазах с ложечки приходилось кормить бойцов после оказания первой помощи. Однажды нечаянно при раздаче пищи встретил своих земляков: Лукьяненко Петра и Подленичеву Клаву из Троицкого района, поговорить толком так и не пришлось: начался массированный вражеский артиллерийский обстрел нашего расположения части. Враги намеренно это делали, чтобы не дать возможности нашим бойцам нормально пообедать. Я часто вспоминаю страшные дни блокады города, сколько было положено жизней за его освобождение. Я тоже был

неоднократно ранен, отмечен многими наградами, но самая дорогая из всех наград – медаль «За оборону Ленинграда». Меня и моих товарищей на фронте выручала ещё гармошка, на которой я играл в перерывах между боями. Она поднимала дух бойцов, вселяла надежду на скорую победу и напоминала всем о родном доме.

Петрушин Филипп Петрович
с. Троицкое

ХОДИЛ В РАЗВЕДКУ НА НЕВЕ

Ленинградская блокада была ножом в сердце каждого советского человека в течение 900 дней и ночей. Самые лучшие подразделения воинов-защитников сражались за Ленинград. Пришлось и мне участвовать в великой битве в составе 115 отдельной разведроты. Со своими разведчиками мы не раз приводили «языков», владеющих ценной информацией о численности немцев и планах их командования на Ленинградском направлении. Каждая такая операция стоила жизни многих моих бойцов, но приказ есть приказ, и его нужно было выполнять: на карту истории был поставлен легендарный город нашей страны, где ежедневно от голода и холода, от вражеских снарядов гибли люди. Запомнился навсегда день 15 января 1943 года, когда в четыре часа утра с Пулковских высот заговорили наши «Катюши», враги в ужасе увидели озарённое пламенем небо и услышали вой прилетевших к ним смертельных снарядов. Через несколько дней советские войска освободили Красное Село, это было началом прорыва кольца вокруг Ленинграда, но до полного снятия блокады города оставался целый год. Я имею две медали за Ленинград: «За оборону Ленинграда» и «В честь 200-летия города на Неве».

Мурзинцев Петр Андреевич
с. Троицкое

МЫ ПОМНИМ ДЕТЕЙ ЛЕНИНГРАДА

Мои родители, Аким Авдеевич и Анастасия Егоровна Першины, в селе Гордеевка славились своим трудолюбием и стремлением жить с пользой для общества. Отец прошёл войну с первого дня и до последнего, был ранен. После войны он с головой окунулся в колхозную жизнь: многие годы он возглавлял Ельцовка сельсовет. В Гордеевке ему пришлось поработать кладовщиком, фуражиром и учётчиком на ферме. Наша мать отличалась не только кротким нравом и добротой, но и умением ладить со всеми односельчанами. Многие жители в трудную минуту жизни обращались за советом к нашим родителям. Мы с детства были приучены к любой работе, с годами стали настоящими помощниками в семье. Когда отец сражался на Карельском фронте, а мать работала от зари до зари на колхозных полях, пятилетняя Рая присматривала не только за мной и братом Сашей, но и за домом и огородом. В 1942 году в село Гордеевку прибыли эвакуированные из Ленинграда, среди которых было много детей. Жители села приняли их на постой, старались помочь едой и одеждой. Наша мама и тётя Паша Болоцких взяли на содержание несовершеннолетних сестёр Лиду и Нину Александровых: их мать умерла от голода, а отец погиб на фронте. Несколько дней девочки находились с мёртвой матерью в ленинградской квартире, а затем они завернули её труп в простыню и увезли в большой сарай, куда свозили умерших со всего района. Такую невесёлую историю поведали сёстры своим приёмным семьям, где прожили десять месяцев. Девочки отличались кротким нравом и постоянной грустью в глазах. В школе учились очень хорошо, были хорошими подружками и интересными собеседниками. В июле 1943 года их определили в Петровский детский дом, куда они уезжали без всякого

желания, потому что девочки уже прижились в наших семьях. Мы часто вспоминаем этих деток, как тяжело им было жить без родителей. Никогда не забуду, как одна ленинградская девочка в нашем селе хоронила свою мать. Она одна шла за тележкой с телом матери, которую вёз на кладбище один из жителей нашего села. Мне до сих пор тяжело об этом вспоминать. Впоследствии мне пришлось учиться в Троицкой школе со многими детьми-блокадниками, которые отличались своим примерным поведением и отличной учёбой. Они стремились к учёбе, выполняли всю работу с большим желанием. Многие из них через несколько лет уехали обратно в Ленинград.

Павельева Зоя
с. Троицкое

Блокада

41-ый год. Блокада Ленинграда.
900 ночей и дней мучений, слёз и ада,
Взрывы бомб, разрывы гранат.
Разве детям это надо?
А ведь детки Ленинграда испытали муки ада.
Будущее Ленинграда поглотила та блокада

Беломытцеа Анастасия
с. Троицкое

ОБ ЭТОМ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ!

Всё дальше уходят в прошлое годы Второй мировой войны, всё меньше остаётся очевидцев того страшного времени, с каждым днём меняются нравственные ценности и отношение у нового поколения россиян к истории Отечества. Но есть ещё в нашей стране люди, которые стараются поведать своим потомкам самые лучшие страницы истории России, заложить в них желание жить по-человечески и с пользой для общества. Именно с таким устремлением живут жители села Боровлянки, решившие увековечить память детей-блокадников, эвакуированных

в село Боровлянка в августе-октябре 1942 года. Истощённые блокадой и многодневным переездом из Ленинграда в далёкую Сибирь, малютки умирали по несколько человек в сутки, несмотря на добросовестное отношение к ним персонала детдомов. Об этом свидетельствуют копии анатомических обследований умерших детей. Работники столовой, медперсонал и воспитатели детских домов старались разнообразить питание угасающих с каждым днём детей: использовали клюквенный и морковный сок, отвары целебных трав, отрывали от себя последний кусок хлеба, отдавая его детям. Но что можно было сделать для спасения детей с такими диагнозами как: дистрофия второй и третьей степени, рахит, цинга, авитаминоз. Измученные бомбёжками, голодом и долгой дорогой, многие дети не могли самостоятельно есть и передвигаться. На теле и во рту были язвы, у всех деток кожа сухая и морщинистая, они отличались вялым поведением и отсутствием интереса к еде и окружающему миру. Малютки, некоторым из них едва исполнилось полтора года, умирали тихо, редко стонали и только иногда звали маму. Они умирали в основном ночью или рано утром, о чём свидетельствуют заключения врачей. Поражаешься мужеству врачей, которые в условиях голода и холода все свои силы отдавали этим несчастным деткам, успевали ещё вести медицинские карты детей, записывая об их последних минутах жизни, когда ни бумаги, ни чернил не было в нужном количестве. Поэтому иногда записи велись на газете «Алтайская правда». Вот одна из таких записей была сделана на публикации под названием: «О проведении недели помощи Ленинграду. Постановление бюро Алтайского крайкома ВКП(б) от 28 января 1943 года» за подписью секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) В.Лобкова: «Необходимо провести в Алтайском крае неделю помощи Ленинграду. С этой целью принять предложение колхозников сельхозартели «Ленинградец» о

посылке эшелона с продуктами защитникам Ленинграда. Организовать сбор хлеба, мяса, масла, муки, овощей из личных запасов колхозников». Жителями Алтая в это же время были собраны средства на постройку Сталинского соединения боевых самолётов «Алтайский истребитель». Но умирающих детей это не радовало: многие из них доживали последние часы и минуты жизни. Об этом говорят копии анатомических обследований умерших детей-блокадников. В списке значатся фамилии умерших ленинградских детей из детских домов №1, №3, которых наблюдали врачи из Ленинграда Демьяненко Е.А., Лукина А.С. и Козырева. Эти дети похоронены тоже на Боровлянском кладбище, потому что они умерли в момент пребывания в селе Боровлянка, т.е. с октября 1942г. до последней минуты жизни 1943 года. По записям установлено, что больше всего умерло детей в ноябре-декабре 1942г. Всего же умерло детей из детдомов №1, №3, №30. В июле 1943 года ленинградских детей из Боровлянки перевели в Петровский дом ребёнка Троицкого района, который стал называться Ленинградским домом малютки №1. Сюда же были переведены дети-сироты из Хайрюзовского детского дома, в числе воспитанников которого находились сироты из Калмыкии и Ленинграда. После окончания войны многих детей-блокадников увезли в Ленинград и в другие детские дома Алтайского края, некоторых взяли на воспитание местные жители, но иных малюток не удалось спасти: они были похоронены на Петровском кладбище. К сожалению, могилы их не сохранились, потому что умерших детей хоронили в общем порядке. По имеющимся данным в нашем архиве Ленинградский дом малюток просуществовал в с. Петровка до 1953 года. Согласно смете расходов за 1951 год в детдоме проживало 62 ребёнка в возрасте от 4 месяцев до 4 лет, которых обслуживало более 45 человек: врачи, медсёстры, воспитатели, нянечки, сторожа, повара, прачки. Заве-

довала детским домом Перепелевская В.В., а глав-
врачом здесь была Давидзон М.И.. Детский дом ма-
лютки располагался в нескольких зданиях: в двух-
этажном здании было спальное помещение, отдельно
стояли карантинное помещение, прачечная и кух-
ня. Многие жители сёл Петровка, Боровлянка,
Хайрюзовка, кто входил в число обслуживающего
персонала детских домов, кто были очевидцами
страданий детей-сирот, умирающих вдали от род-
ного дома, уже нет в живых. Но мы обязаны пом-
нить о всех: ведь память ныне живущих о невинно
загубленных душах детей-блокадников – это дань
памяти всем детям военного времени, убитым или
угнанным в рабство, умершим от голода и холода,
скончавшихся вдали от родного дома.

Начальник отдела по делам архивов
Троицкого района Смолякова Лариса

**Список детей дома малютки №3, эвакуированных из
блокадного Ленинграда 27 сентября 1942 года в
посёлок Боровлянка:**

Анишин Николай Михайлович
Азаренкова Людмила Евгеньевна
Бабтюгова Светлана
Головастик Борис Фёдорович
Демьяненко Евгений Михайлович
Дмитриев Владимир Иванович
Дмитриева Галина Ивановна
Исаева Галина Николаевна
Иванова Галина
Кудрявцев Алексей Алексеевич
Кочетова Фатима Борисовна
Крымская Софья
Левина Людмила Александровна
Патравнов Владимир Кириллович
Сидоров Владимир Семёнович
Сидеева Наталия Ивановна

Собитов Феликс Файздрохманович

Чижевский Слава

**Список детей дома малютки № 30 блокадного Ленин-
града, эвакуированных в посёлок Боровлянка в
1942 году:**

Аболина Светлана

Белякова Амга

Васильев Борис

Егоров Игорь

Евстафьева Люся

Жунетто Инга

Иванова Тамара

Коновалов Инз

Коновалов Витя

Левченко Галя

Мировой Юрий

Осеева Тамара

Кряков Юрий

Семёнова Галя

Яковлева Галя

Михайлова Валя

Чувьрин Игорь

Каболин Женя

Троицкая Валя

Колосова Люся

Меркачёва Галя

Александрова Валя

Абрамова Наталия

Бруклина Эмма

Быстрова Таня

Дунаева Нина

Дневнеткульдеева Рая

Жукова Тамара

Зайцева Елена

Мировая Тамара

Мировой Игорь

Осева Галина

Федотова Серафима

Котова Тамара

Амбружис Галина

Пирогова Валя

Константинова Люда

Кузьмина Валя

Орлов Петр

Вангулин Николай

Колосов Анатолий

Каскаланд Владимир

Некрасов Александр

Гравель Адольф

Вильчевский Борис

Евстрахин Виктор

Шакала Гаврила

Иванов Вениамин

Хромаков Владимир

Григорьев Виктор

Ваганов Сергей

Фомина Любовь

Иванова Лидия

Денисова Люда

Белякова Лида

Егорова Тамара

Никитина Зоя

Андреева Валя

Румянцева Антонина

Левченко Нина

Сергеева Нина

Аболина Лариса

Степанова Лидия

Саморукова Вера

Рудеева Зоя

Степанова Раиса

Богданова Маргарита
Голубева Люда
Ветлеев Александр
Тумова Галина
Поросёнок Вера
Павлова Валя
Тягунова Катя
Щербакова Галя
Смирнова Галя
Мекандрова Люда
Горбунова Зоя
Попенкова Анастасия
Коршунов Юрий
Дикушин Серафим
Трофимов Александр
Жуков Бронислав
Борейко Борис
Дмитриев Анатолий
Оржесковский Слава
Семёнова Нина
Колосов Сергей
Немкова Нина
Коровнина Лида
Михеева Люся
Родина Валя
Георгиева Валя
Каскеланд Люся
Ростовцева Валя

Невина Лида
Макарова Тамара
Корежилова Нина
Тумова Антонина
Семёнова Клава
Оржесковский Эдуард
Кизовский Вениамин
Клименчинок Борис
Цветков Витя
Богданова Нина
Арефьева Лида
Шиковец Аля
Артемьева Катя
Богданова Рая
Гаврилова Тоня
Колосов
Колосова
Пиковец
Большова
Королёва
Гаврилова
Михеева
Панфилова
Григорьева
Васильева
Данилова
Скворцов П.
Скворцова

**Список детей блокадного Ленинграда, похороненных
в посёлке Боровлянка в 1942-43г.г.**

(По данным Троицкого ЗАГСа)

Ленинградский дом малютки № 1:

- 1.Грунёв Василий 17.05.1940г. -- 21.10.1942г.
- 2.Тубаковский Володя 2г.6м. умер 12.10.1942г.
- 3.Виноградов Володя 2г.6м. умер 26.10.1942г.
- 4.Лебедева Галя 2г. 6м. умерла16.10.1942г.

5. Назаренко Игорь 22.12.1939г.-- 14. 10.1942г.
6. Крупинова Галя 21.07.1940г. -- 26.10.1942г.
7. Ильин Александр 2г. 3м. умер 24.10.1942г.
8. Рябова Надежда 09.11.1939г. -- 12.10.1942г.
9. Броварова Тамара 1г.9м. умерла 26.10.1942г.
10. Струканова Нина 2г.6м. умерла 13.10.1942г.
11. Егоров Виктор 1 г. 3м. умер 18.10.1942г.
12. Сизов Вячеслав 12.02.1939г.-- 18.10.1942г.
13. Мишанова Надежда 3г. 6м. умерла 25.10.1942г.
14. Мухортов Платон 31.03.1941г. -- 12.10.1942г.
15. Стинов Олег 1г.6м. умер 14.11.1942г.
16. Павлова Инна 1г.6м. умерла 20.10.1942г.
17. Баранова Тамара 1г. 6м. умерла 20.10.1942г.
18. Юрева Елена 1г. 6м. умерла 1.10.1942г.
19. Осипова Тамара 3г. умерла 30.9.1942г.
20. Линц Галина 2г.6м. умерла 26.9.1942г.
21. Смирнова Нелли 3г. умерла 14.11.1942г.
22. Васильева Галина 2г.6м. умерла 14.11.1942г.
23. Шурухин Геннадий 1г. 6м. умер 15.11.1942г.
24. Фадеева Лилия 2г. умерла 11.11.1942г.
25. Безунова Валентина 2г. умерла 11.11.1942г.
26. Филиппова Татьяна 1г.8м. умерла 12.11.1942г.
27. Бабенкова Тамара 13.02.1939г.-- 24.11.1942г.
28. Лепёшкин Григорий 15.10.1939г -- 23.11.1942г.
29. Мельников Геннадий 2г.5м. умер 23.11.1942г.
30. Захарова Людмила 3г. умерла 20.11.1942г.
31. Сизова Лидия 22.01.1939г. -- 22.11.1942г.
32. Александров Борис 3г. умер 29.11.1942г.
33. Логвиненко Александр 9.10.1939г.--5.12.1942г.
34. Андреева Альбина 2г. умерла 9.12.1942г.
35. Бурдена Людмила 3г. умерла 8.12.1942г.
36. Колганов Лёва 4г. умер 8.12.1942г.
37. Старостин Юрий 23.11.1939г. -- 25.12.1942г.
38. Мартьяков Юрий 3г.5м. умер 9.1.1943г.
39. Попов Александр 3г. умер 9.1.1943г.
40. Вербицкая Людмила 9.04.1939г. --15.01.1943г.
41. Петрова Людмила 3г. умерла 17.2.1943г.
42. Черкасова Светлана 30.04.1940г.--15.2.1943г.

Ленинградский дом малютки № 3:

43. Черненко Анатолий 3.10.1939г.-- 18.3.1943г.
44. Собитов Феликс 2г. умер 15.11.1942г.
45. Бабтюкова Светлана 1г.7м. умерла 21.11.1942г.
46. Головстиков Борис 5г. умер 19.11.1942г.
47. Погорелова Тамара 7.01.1941г. -- 20.11.1942г.
48. Анисимов Николай 16.08.1939г.-- 29.11.1942г.
49. Леткина Лидия 18.06.1940г. -- 4.12.1942г.
50. Блонский Евгений 17.4.1941г. -- 9.12.1942г.
51. Судаков Толя 3.4.1940г. -- 9.12.1942г.
52. Власова Люся 3г. умерла 11.12.1942г.
53. Смирнов Юрий 22.9.1942г -- 10.12.1942г.
54. Муратова Лариса 22.12. 1939г. -- 31.12.1942г.
55. Чижевский Слава 2.12.1939г. -- 31.1.1943г.
56. Гаврилова Галина 3г. умерла 30.12.1943г.
57. Лисичкина Люся 3г.8г. умерла 31.12.1943г.
58. Журавский Леонид 28.2.1941г. -- 16.12.1942г.
59. Буковская Галина 20.5.1939г.-- 10.1.1943г.
60. Попов Александр 25.1.1941г. -- 20.12.1942г.
61. Дудина Тамара 3.07.1940г.-- 16.12.1942г.
62. Сатылова Нина 4г. умерла 7.2.1943г.

Ленинградский дом малютки № 30:

63. Коровкина Лидия 26.01.1928г. -- 3.1.1943г.
64. Корсаков Николай 24.04.1938г. -- 15.12.1942г.
65. Соловьёва Татьяна 14лет умерла 22.10.1942г.

По документам архивного фонда Отдел здравоохранения Троицкого райисполкома Алтайского края в копиях анатомических обследований ленинградских детей, эвакуированных в Троицкий район Алтайского края в 1942 году, установлен список умерших детей:

1. Аншиев Коля 16.08.1939г. -- 29.11.1942г.
2. Бахвалова Тамара 2г.4мес. умерла 1942г.
3. Волкова Зина 3 года умерла 20.10.1942г.
4. Воробьёв Владимир 19.08.1940г.-- 19.10.1942г.
5. Глубоковский Владимир 3 г., умер 12.11.1942г.
6. Захарова Нина 20.11.1939г.--18.11.1942г.

7. Ишанин Юра 8.10.1940г. – 11.11.1942г.
8. Караваткова Тамара 30.10.39г.- 30.10.1942г.
9. Леухартов Платон 2 г. 9 м. у. 10.12.1942г.
10. Мениспова Надя 3г. 4 м., у. 10.11.1942г.
11. Прокофьева Люба 14.01.40г.- 15.11.1942г.
12. Потапов Анатолий 9.04. 40г. – 9.11.1942г.
13. Рогова Галина 10.07.1940г. – 10.11.1942г.
14. Рыбакина Валя 10.03.1940г. – 8.11.1942г.
15. Смелов Олег 3года умер 10.12.1942г.
16. Смирнова Лора 21.01.1941г. – 8.11.42г.
17. Соболев Герман 7.06.1939г. – 22.01.43г.
18. Соколова Люся 3года умерла 16.01.43г.
19. Шелапков Станислав 2.11.1939г. -15.11.42г.
20. Шемелин Юра 05.09.1940г. – 25.12.1942г.
21. Шпакин Юра 03.10.1940г. – 24.11.42г.
22. Яковлев Владимир 1940г. – 28.10.42г.
23. Сухова Лидия 7.05.1940г.- 12.11.1942г.

Автор первого проекта памятника в честь детей-блокадников, похороненных в с. Боровлянка
Ускова Ольга

Жертвам блокадного Ленинграда

Одним цветком земля беднее стала,

Одной звездой богаче небеса

Близ Боровлянки, на косогоре,
Дети лежат упокоенные,
И над могилками, словно зори,
Свечи горят зажженные.
Шестьдесят пять свечей
Напоминают собою
Блеск молящих очей,
Загубленных войною.
Маленький мальчик Витя Егоров,
Было ребеночку год с небольшим,
Стинов Олег, Александров Боря –
Словно цветки, василек, георгин.
Шестьдесят пять цветков
Вмиг здесь Земля потеряла
И на столько цветков
Она беднее стала.
Лида и Таня были постарше,
Им бы по школьной тропинке шагать,
Но они, в небе звездами ставши,
В новом созвездии стали сиять.
Шестьдесят пять огней
Смотрят на нас с поднебесья,
Россыпь душ тех детей
По звездному Полесью.

Цимбалист Николай
с. Троицкое

Блокада

Пришла война, грохочут канонады,
Взрываются дома, горят склады.
Пришёл тот страшный день блокады,
Нет памяти страшнее для страны.
В кольцо врагом был город взят,
Отрезан от страны был Ленинград
На девятьсот ужасных дней.

В нём будут тысячи смертей.
Голодные дети там умирают,
И стоны воздух разрывают,
И слёзы льются, как река,
Ведь смерть — потеря жизни велика!
Ещё мы долго помнить будем
Страницы Тани Савичевой дневника,
Она ручонкой детской выводила строки,
Как умирала вся её родня.
Но город выстоял, всё перенёс:
Обстрелы, холод, голод, горе.
Фашисты не смогли сломить народ,
Который выстоял в войне суровой.

Лисицина Елена
с. Троицкое

Сердце болит

Прошло с тех пор уж лет немало,
Но сердце стонет и болит,
Как вспомню подвиг Ленинграда,
Что наш народ в блокаду совершил.
В войну мне было лет семнадцать,
И я молоденький совсем,
Но горечь бед познал я рано,
Воспринял всё как свой удел.
Мы до последнего сражались,
И, зубы сжав, чтоб не стонать,
Мы за блокадный город бились,
Где тысячами пришлось погибать.
Страдали все, детишки гибли,
Прося у мёртвой мамы есть,
А холод сковывал всё тело,
Всех нам страданий и не счесть.
Прошло с тех пор уж лет немало,
Но часто снится тот кошмар,
Как голод, холод и бомбёжки
Отняли жизни у ребят.

Востриков Кирилл
с. Троицкое

Тетрадь

Однажды я нашёл тетрадь в старинном переплёте
И на обложке прочитал: «Дневник малышки Моти».
Сначала просто я читал, не вдумываясь в строки,
Затем как будто сам попал в далёкие те годы.
Передо мною Ленинград: разруха, страшный голод,
Бомбёжки, пули там свистят, и всюду жуткий холод.
Ни обогреться, ни поесть в блокадном Ленинграде.
Дрожа, рука сжимает лист исписанной тетради.
Я представляю день за днём те жуткие мученья,
Три долгих года под огнём, и нет от них спасенья.
Я слышу плач детей, прижавшихся друг к дружке,
Вместе им чуть-чуть теплей, хоть в инее макушки.
Весь город словно был в аду, кругом лежали трупы.
«За что? – никак я не пойму, – даны им эти муки?»
И обрывается дневник неконченной строкою:
Седая смерть дитя взяла в свои извечные покои.
Стоны и последний крик мне долго будут сниться,
А девочка могла бы жить на свете, веселиться.
Сегодня много говорят о страшной той блокаде:
Ведь люди помнят ту войну в сожжённом Ленинграде.

Лех Дима и Настя
с. Троицкое

Памяти детей блокадного Ленинграда

Целый месяц в пути, тридцать дней на колёсах
Ленинградских малюток в Сибирь к нам везли.
И теплушка для них была домом походным,
А им было всего-то от двух до пяти.
Ни еды, ни лекарств и ни тёплой простынки,
А порой не хватало хлеба, воды.
Уповали на чудо, теплилась надежда,
Что детишек спасут от двух до пяти.

Не спасли, не смогли, уберечь не сумели,
Хоронили их наспех, не поставив кресты.
Ленинградские матери даже не знали,
Где последний приют их малытки нашли.
А потом долгий путь до глухой Боровлянки,
Где промёрзший барак, нары, сильный мороз.
Крошки стойко несли свой крест, как солдаты,
А в итоге их ждал боровлянский погост.
Им сельчане тогда, чем могли, помогали,
Кто картошкой, капустой, горстью муки.
Они тоже в войну всей семьёй голодали,
Хоронили детей своих и чужих.
С каждым днём угасали блокадные детки,
Умиряли на нарах от дома вдали,
88 умерших здесь остались навечно,
А им было всего-то от двух до пяти.
Время быстро летит, и стираются даты,
Но останется с нами острая боль.
Как героев, мы помним детей Ленинграда,
И пускай в память их горит Вечный огонь!

Демьяненко Кристина
с. Троицкое

Осень на кладбище

О братской могиле память жива!
Осень на кладбище, проливная пора.
Блокадные дети в сибирской земле.
Чем они виноваты в страшной войне?
Детские муки нам не понять,
Сегодня о них будем мы вспоминать.
Памятник в камне воздвигли мы им,
В честь о тех, кто погиб молодым.
Мы помним, цветы на могилы несём,
Пусть будут они детям вечным огнём!

Хлюст Наталья
с. Боровлянка

Память жива

История помнит, как в тяжелой блокаде
Люди влачили суровые дни в Ленинграде.
Враг в город стремился – не вышел парад,
Не покорился врагу Ленинград.
Враги бесновались, но город держался,
Но город трудился, но город сражался.
Неприступный злодею заслон сотворил.
Симфонию там Шостакович творил.
Пылало огнем ленинградское небо,
И не было больше ни соли, ни хлеба.
В домах зимой не было больше тепла,
Река лишь Нева через город текла.
В затишье ходили к реке за водой,
Была она людям питьем и едой.
И падали бомбы на город, как град,
Но жил, не сдавался врагу Ленинград.
В те трудные дни были люди в ответе
За то, чтоб в кошмаре том выжили дети.
По Ладоте в ночь, презирая беду,
Их вывозили по тонкому льду.
Шли эшелоны в российскую ширь,
Груз бесценный везли на Урал и в Сибирь.
Вот так и сложилась судьба непростая:
Детей приютили у нас на Алтае.
В селе Боровлянка был детский приют –
Пытались создать им покой и уют.
Давно уж блокадные дни миновали,
Но временем души излечишь едва ли.
Опять на Авроре, как прежде, «бьют склянки»,
По-прежнему крейсер на вечной стоянке.
Опять над Невою небес синева,
Но высказать горе найдутся ль слова.
В земле боровлянской могилы, могилы.
Пускай берегут их небесные силы.
Нетленные души теперь на том свете –
Не все смогли выжить блокадные дети.
Я не был, друзья, никогда в Ленинграде,
Но память храню о жестокой блокаде.

Сейчас наступила иная пора,
И город теперь носит имя Петра.
Цветут на Алтае лесные полянки.
Быть может, кто помнит село Боровлянку.
Пусть ей в благодарность найдутся слова.
Я знаю, я верю: память жива!

Башкатов Александр
с. Озеро-Петровское

Слово к сыну

Серой муки грубый помол,
Маленький хлеба кусочек,
В городе холод, голод, измор:
«Кушай, что есть, сыночек.
Наш Ленинград оккупировал враг,
Ломится немец проклятый!
Нам тяжело, а на фронте сейчас
Вдвое труднее солдатам.
Взрывов не бойся, сыночек, поверь:
Скоро закончатся беды.
Грянем «Ура!» и услышим салют
И звонкую песню Победы!»

Кошелева Дарья
с. Троицкое

Детям блокадного Ленинграда

У каждого из нас своя дорога,
У каждого – своя судьба.
У каждого была своя потеря,
У каждого – своя беда.
Своя беда случалась в доме каждом,
Свои потери каждый город нес,
Когда война стучалась во все двери,
Блокадных ребятишек поезд вез.
Вез из Ленинграда на Большую землю
Голодных, изможденных и больных.
Им было многим чуть побольше года,
Им всем хотелось очень жить...

И вот Алтай, село Боровлянка.
Тупик. И стук колес затих.
Когда вагона дверь открылась,
Заголосили женщины навзрыд.
Здесь шла борьба за каждого ребенка,
Сибиряки старались всем помочь,
Но многих деток болезни одолели,
И боровлянский принял их погост.
Прошла война, закончилась блокада,
Но память нас вызывает в тишине.
Я так хочу, чтоб жили в мире дети
И ничего не знали б о войне.
Не нужно войн ни старикам, ни детям,
Не нужно боли, голода и слез.
Как хорошо проснуться на рассвете,
Смотреть на солнце, слушать шум берез!

Горлова Татьяна
с. Троицкое

Мы помним!

Я родился в счастливое время,
О войне лишь по книгам узнал.
Как Москву, Ленинград отстояли,
Народ выдержал страшный удар.
С сорок первого по сорок пятый
Наши деды сражались в огне,
Свои жизни отдали солдаты.
Страшно даже представить во сне.
Под танки с гранатой бросались,
Но Ленинград не отдали врагу,
Погибали, чтобы дети смеялись.
Перед ними мы в вечном долгу.

Каменев Никита
с. Троицкое

Детям-блокадникам

Город враги вокруг обложили
И методично его бомбили.
Бесы в Берлине мечтали

Справить кровавую тризну.
Господи, как же мы жили,
Плача в промерзших квартирах!
За все, что мы испытали,
Наградой была нам жизнь.
Странною вышла награда,
Словно усмешка неба.
Падали детские слезы
В нашем безумном мире:
Выжить в смертельной блокаде
Часто совсем без хлеба,
В ужасе страшных морозов...
И умереть в Сибири.

Поединкин Владимир
с. Троицкое

Дикие гуси

Дикие гуси кричали в сумрачном небе,
С грозного севера рвались на пламенный юг.
Люди опять сражались: пожары и беды,
Вновь зарядили оружие, бросили плуг.
Люди стреляли из пушек и ружей.
Злобно кололи друг друга в лесах.
Бой без причины зачем-то им нужен.
Глядя на зверства, маялся Бог в небесах.
Русские с немцами бились под Ленинградом,
Рвали зубами, душили руками всерьёз.
Жизнь перестала быть главной наградой.
Смерть и страдание - это совсем не вопрос.
Люди кричали, а их разрывало на части.
Горько рыдали, вмерзая в пронзающий лёд,
Сами создали гору из бед и несчастий.

Люди иль нелюди? Кто их, безумных, поймёт.
В дыме пожарищ сторели поля и селенья,
В лицах животных, безудержный страх и испуг.
Дикие гуси кричали в сумрачном небе,
Тщетно пытаюсь прорваться на пламенный юг.

Поединкин Владимир

с. Троицкое

Зажгите свечи в нашу память

Вы на могилу к нам пришли,
Чтоб вспомнить и цветы поставить.
Мы рано в мир иной ушли -
Зажгите свечи в нашу память.
Когда-то были мы детьми,
Веселыми и озорными.
Хорошими могли бы стать людьми,
Если остались бы живыми.
Но злая черная война
Жизнь в одночасье изменила,
Все исковеркала она
И даже нас не пощадила.
Мы пали жертвами войны,
Жесточкой, долгой и кровавой,
Были голодны и больны -
Смерть забрала рукой костлявой.
Не видеть нам красы полей,
Не любоваться нам закатом,
И в небе стаи журавлей
Не провожать долгим взглядом.
И за столом нам не сидеть
В семье большой и сердцу милой,
И песен радостных не петь,
Не видеть матери родимой.
Без нас идут земные дни,
Без нас гремит салют Победы.
Мы в вечность перешли детьми.

За нас отмстили отцы, деды.
Без нас живет наша страна,
Закаты гаснут и рассветы,
А на могилах – тишина.
Неведомы теперь нам беды.
И души обрели покой,
Оставив все дела земные.
Любовь мы к ближним унесли с собой
В обители небесные, святые.
Вы вспоминайте чаще нас –
Ведь мы когда-то тоже жили.
Молиться будем мы за вас,
Чтоб здоровы, долголетни были.
Чтоб ужас и кошмар войны
Вас не коснулись никогда,
Чтоб были в мире все дружны
И жили счастливо всегда.

Лямкина Надежда
с. Усть-Гавриловка

Ребёнок – крошечное чудо

Ребенок – крошечное чудо.
Мать волоску не даст упасть
И птицей виться над ним будет,
Тем освящая детства власть.
Росинкой, капелькой, алмазом
Ему сиять в родных руках,
Жить на свободе, без приказов,
С улыбкой неги на устах.
Хватает солнца, игр и хлеба,
И красоты хоть отбавляй,
Невы и голубого неба –
Благословенный детский рай.
Но мир, налаженный любовью,
Где рос он в холе и в тепле,
Окрасился багровой кровью,
Стал адом на родной земле.

Без помощи и без опоры -
Уже нет рядом милых рук,-
А только самолетов своры
И цепь невероятных мук.
Как изощренно и бездушно
Безумствовали изуверы
В слепом желанье все разрушить,
В жертву отдав народ и веру!
Пристанища по всей стране
Для мучеников-крох искали.
В венцах из терний, жизнь - войне,
Ангелами пред Творцом предстали.
Но сердце безутешно стонет,
И боль не тише оттого,
Что не изменишь ничего...
А скорбь и в Вечности не тонет.

Фельдбуш Людмила
с. Ельцовка

Враги

(глава из поэмы «Слово о России»)

Как много в нашем мире есть сторон,
Которые достойны восхищенья.
Но не забудет мир ту оборону,
И вечным, вечным будет изумленье
Перед великой стойкостью твоей,
Великий город! Ленинград Великий!

Какое варварство ты пережил в войну,
Что также названа была Великой,
Когда поставил враг в ружьё страну,
Мечтая превратить её в безликую,
Покорно рабью вотчину свою,
А град Петров стереть с лица земли.

Властолюбивый фюрер пренебрёг
Уроками другого властелина,
Кровавый путь направил на восток-

Ведь на крючке амбиций был детина.
Поэтому презрел предупрежденье
Идей заложник, бесноватый фюрер.

«Nach Osten!»-брошен был вандалов клич.
Повержен был уже Париж бессмертный,
Над всей Европой занесён был бич
Орды сатрапов, распоясанных победой!
Была красавица Варшава предана
Безжалостной бомбёжке и разору.

Да что Варшава! Родину свою
Не пожалели варвары ни на йоту!
В огне пожарищ гибли, как в бою,
И Томас Манн, и Гейне, и великий Гёте,
И Кант, и Шиллер, Анна Зегерс с ними.
Сородичам был первый кнут.

Триумфом завершив тридцатые года,
Уверенно вошли в сороковые.
План «Барбаросса» был готов тогда.
Для русских замыслы те были роковые,
Но стали роковыми для хозяев:
Пришлось им пожинать плоды «трудов безумных»

Но это позже, а пока... пока...
Россию обложили, как медведя,
В берлоге спящего. Отборные войска
Рвались к обманчиво сомнительной победе.
Предусмотрев намного всё вперёд,
В успехе ни один не сомневался.

Да, всё, казалось, было протии нас
И под Москвой, и Курском, Сталинградом.
Финляндия под боком. Там Кавказ...
Пучина ненависти к Ленинграду...
Петра Великого к великому творенью
Проявлено особое вниманье.

На фотографии-глаза ребёнка,
Огромные, недетские глаза.
Большая голова на шейке тонкой,
Из бездны дней всплывают голоса.
Чуть слышно и беспомощно упрямо:
«Мы жить хотим. Спаси нас, мама!»

Так можно ли простить все злодеянья:
Освенцим, Краснодар и Бухенвальд?
Не мучило безбожников раскаянье,
Без сострадания убивали Ленинград.
Мать же, спасая хоть одно дитя,
Себя казнила, не кормя другого.

И сколько ж сил положено тобой,
Солдат моей страны родной!
Ты беспримерный подвиг совершил,
Ты вынес бой с фашизмом и на охрану мира
Встал с мечом в руках в стране чужой,
Чтоб неповадно было чужеземцам
Забыть уроки Мировой Второй.

Фельдбуш Людмила
с. Ельцовка

Дети Ленинграда

Увозили ленинградских ребятишек,
Увозили от блокады, от войны,
Обессиленных девчонок и мальчишек,
Наказанных судьбою без вины.
Их завезли в далекий край,
Где не был слышен визг осколков,
Гул самолетов и зениток лай,
Лишь шепот березовых колков.
Но все-таки детишек тех война
И в глухомани лапою достала.
Силенок детских, выбранных до дна,
Чтоб жить, для многих не хватало.
Есть у людей соленая вода.

Она порою просится наружу,
Плотину век рвет без труда,
Когда всю душу обволакивает стужа.
У многих взрослых в те года
Сердца кололи кромки льдышек,
Ведь это ж жуткая беда:
Копать могилки для малышей.
А дети, выжившие из войны,
На полку старости сложили луки,
Их дети доросли до седины,
И в жизнь большую разлетелись внуки.
Но память памятью и есть.
Прожитому забвения не будет,
Пока есть совесть, будет честь,
До той поры мы будем люди.

Косарев Владислав
с. Троицкое

Птахам Ленинграда

В глубь веков история уходит,
Технологии меняют 21-ый век.
Ускорение с ума нас сводит,
Изменился, усложнился человек.
Жизнь спешит, сюрпризы преподносит,
Нет числа проблемам и заботам.
Всё же ветер памяти приносит
Мысль о том, что из истории мы родом.
Историческая память нынче
Обратилась к самой лихой странице:
К дням блокадным, сходным с линчем.
Умерших детей всплывают лица.
23-ый день календаря, год 42-ой.
Октябрь на дворе. Боровлянка.
В этот день в алтайское село,
Многолюдное, богатое тогда,
Привезли блокадных малышей,
Лихолетье их забросило туда.
Причитали женщины и душу рвали,

Глядя на великое страданье,
А подростки, закусив губу, молчали,
Сдерживая слёзы, страх, рыданье.
Маленькие дети, птахи Ленинграда,
Жались друг к другу, жили лишь глаза.
Утешала жителей малая отрада:
Не было бомбёжки. Всё ж лилась слеза.
Помогали деткам выжить боровлянцы,
Отрывая крохи, душу от себя.
Смерть же поджидала: новобранцы
Таяли, как сальная свеча.
Что ни день, то умирал здесь кто-то,
Другие мучились в бреде,
Не спасала умиравших и забота-
Жизнь в посёлке протекала, как в аду.
По ночам метели выли сильные,
Навевая неизбывную тоску.
Боровлянцы плакали в бессилии,
Проклиная Гитлера, войну.
Стали детки Ленинграда всем родными,
Образ их пусть в монументе оживёт.
Вижу лица их печальные, живые
Из гранита проступившие вперёд.
Пусть аллея зашумит над ними,
Пусть весной расцветут цветы,
Наша память пусть же будет с ними,
Пока живы, будем помнить мы.

Клочкова Раиса
с. Троицкое

Топ-топ, топал бы малыш

Топ-топ, топал бы малыш
С милой мамой по дорожке,
Голубей кормил бы с крыш,
Солнца лучики ловил бы он в ладошки.
Почемучкой мог бы стать,
Сто вопросов в день задать:
«Как луну с неба достать?»

Почему ночью нужно спать?»
Война нависла бедою над страной,
И детей Ленинграда вывозили зимой.
Занесённые снегом полустанки мелькали,
Мало света, тепла и еды в дороге видали.
В Боровлянке приют наконец-то нашли,
Но глаза малышей полны взрослой печали:
Нет в бараках тепла и еды,
Но дети не плакали, обречённо молчали.
Не прижаться телом к маме родной,
Не согреться теплом и от печки.
И горели их жизни одна за другой,
Как сторевшие трепетно свечи.
Блокадные детки, птенчики-крошки,
В иной мир протоптали дорожки,
Словно солдаты в вечность ушли:
Низкий вам, дети, поклон до земли.
В годы войны я ребёнком была,
Лиха и горя хватила сполна,
Может, потому осталась и жива,
Чтоб за погибших молиться я могла

Мадонова Валентина
с. Троицкое

Плач

На кладбище в посёлке Боровлянка
Могилки заросли бурьяном и травой,
Лишь трели соловья там спозаранку
Прольются над спящей в земле детворой.
Омытые слезой недетской боли,
Одетые в одежды сиротства,
Прожили они миг или чуть долее,
Пройдя путь из Ленинграда до погоста.
Войны смерч пронёсся над землёю,
Перемешалось горе с плачем и бедою,
Текла Нева, окрашенная кровью,
И серый пепел рассыпался мглой.
Скорбящими, голодными глазами

Дети на страшный мир смотрели.
Мороз холодными окутывал струями,
Понять мир этот дети не умели.
Дрожащими телами к нам льнули,
И ручки к матерям своим тянули.
Им вспоминалось детство их счастливое,
Вся нежность мам с улыбкой милою,
Игрушки, хлеба вволю и плоды садов,
И руки сильные родных отцов.
Хлеба, тепла хоть чуть просили,
А их травой-лебедой кормили,
Но люди, что могли, им приносили.
Для жизни не осталось у них силы,
Умерших уносили на погост.
Вместо детей лишь холмики надгробья,
Да крестик охранял, стоя в сугробе,
И укрывало небо, зажигая свечи звёзд.
Чтоб их помнили, не хватитobelisksов,
Нам лучше воздвигать за них молитвы,
А если вдруг случится скорбный час,
Они перед Господом помолятся за нас.

Шалаева Анна
с. Троицкое

Дети войны

Детей блокадных в годы лихолетья
От войны увезли в лесную глушь.
Где так холодно солнце светит.
Где воистину царство стуж.
Где-то в деревне лают собачки,
По углам барака слышен плач,
Никакой съестной нет подачи.
На всех – один серый калач.
В голодной тоске уснули дети,
И снится им счастливый сон:
Мама, как солнце, лучами светит,
В сердце льётся радостный звон.
– Мама, мамочка!?

- Что, родной?
- По тебе я тоскую и плачу,
И только с тобою жить хочу я,
Ты заberi меня с собой.
На губах застыла улыбка:
Ночью кто-то из них перестал жить.
Громче плачь, соловьиная скрипка,
Утром многих детей унесли хоронить.
Не познали в просторах снежных
Они ласку сильных отцовских рук,
Материнских объятий нежных,
Только сердца скорбящий стук.
Над могилами вьюга шумела,
Тёмный лес колыбельную пел,
Осенью с ветром листва шелестела,
Весной песнь свою рассыпал соловей.
Так зажгите же тысячи свечек
За умерших блокадных детей,
Пусть горят они целую вечность
По молитвам скорбящих людей.

Шалаева Анна
с. Троицкое

Дочери блокадного Ленинграда

В голодных стенах Ленинграда
Осталась Нина без отца.
Не ради красного словца
Хочу воспеть я дочь блокады.
Я рассказать хочу о том,
Как смерть в обнимку с лютой стужей
Стучала в каждый двор и дом
В людей вселяя дикий ужас.
Об этом слышала не раз
От тех, кто выжил в смертной схватке.
Слова скупы, горьки и кратки.
Итак, начнётся мой рассказ:
Семён Андреевич Крылов
Ушёл на фронт, служил в разведке,
Немало очень тёплых слов

Семье писал он в письмах редких.
Он воевал, семья ждала,
Жила надежда песней звонкой.
Боль, не замеливши, пришла
На стол, улёгшись похоронкой.
А мать шепча: «Ой, лихо, лихо»,
Смотрела с ужасом на стол..
Вдруг закричала страшно, дико
И рухнула без чувств на пол.
Болела мать, меньшие братья
Просили хлеба и тепла,
А смерть холодные объятья
Для них давно приберегла.
И чёрный хлеб в сто двадцать пять
Граммулк сразу не съедали:
Заварят, выпьют и опять
Заварят, так и выживали,
Но от голодных челюстей
Спасёшься взварами едва ли.
И, чтобы выжить, люди клей
Варили и его хлебали.
Хотелось постоянно есть,
Что-нибудь да пожевать бы.
Голодных мук не перечесть,
А смерть с косою играла свадьбы.
Ей было разгуляться где:
Зайдёт в квартиру—пир горою.
Снарядом, чиркнув по воде.
Под сотню в день брала с собою.
Мать Нины со своим здоровьем
Блокаду не пережила,
И вспоминает Нина с болью
Завёрнутые в ткань тела,
Сваленные хаотичной грудой—
За смертью разве же поспеть?
И било солнышко полудой,
Чтоб напоследок обогреть
Тела умерших. В этот год
Их в кучу навезли немало.

Сказала тётка детям: «Вот
И Пелагеюшки не стало».
Перекрестилась. С воем мина
Искала заданный маршрут.
Давно уже не просто Нина
Седую женщину зовут.
Давно утихла канонада,
И мирный наступает день,
Но слово страшное «блокада»
Маячит за спиной, как тень.
Да память горечь сохранила
И по ночам, как на парад.
Родных выстраивает в ряд:
Большую братскую могилой
Для них в войну стал Ленинград.
За жизнь свою, цепляясь хватко,
Судьбе, как злейшему врагу,
Шептала часто: «Я смогу.
Недаром же я – ленинградка!»
И пятерых детей растила
Без мужа (его схоронила).
Улыбка не сошла с лица,
А жизнь – достойная награда.
Не ради красного словца
Воспеть хотела дочь блокады.

Беленова Татьяна
с. Заводское

Сильные дети Ленинграда

Какие сильные дети были на войне!
Какой красивый мир они подарили мне!
Какой долгий путь они прошли для нас,
Проливая слёзы из своих недетских глаз.
Дети войны! Спасибо вам за наши жизни:
Ведь вы спасли нас от войны.
Мы вечно вас благодарим
И вам спасибо говорим!

Ильенко Таня
с. Троицкое

Детям Ленинграда

Все живо: старые мосты,
Неповторимость Ленинграда,
Деревьев желтые листья
В ажурных кованых оградах.
Над этой дивной красотой
Война прошла кромешным адом.
Здесь слава города и боль,
И страшная беда – блокада.
Мишенью в солнечных лучах
Собор Исаакия сияет.
Святыню «мессеры» бомбят,
И снег кровавый скорбно тает.
Поток измученных детей -
Неизмеримые страдания.
Железом, голодом, огнем -
За что им эти все страдания?
Детей по Ладоге везут.
Измучены, полуодеты.
Свистит снаряд, еще снаряд.
И гибнут дети, гибнут дети.
А выживших, полуживых,
Испуганных: а где же мама?
Ночами долгими везут:
Не обнаружила бы «рама».
Шли эшелоны за Урал,
За Каму, на Алтай, за Волгу.
Кто был постарше, тот мечтал
Вернуться в свой любимый город.
Спасение уже вот – вот.
Страна им в жизнь дает билеты.
Блокада, голод вслед идут.
И гибнут дети, гибнут дети.
Восемьдесят восемь в земле лежат

В лесной далекой Боровлянке.
Здесь в память их плита и крест
На тихой солнечной полянке.

Дуплинская Надежда
п. Гордеевский

Ленинградским детям

Ленинградские дети – невинные жертвы фашизма.
Ленинградские дети умирали в блокадном аду.
Ленинградские дети, пусть вам поклонится Отчизна.
Ленинградские дети, я память о вас сберегу.
Много лет уж прошло, но вы постареть не успели,
Вы не поняли даже, какие невзгоды прошли.
Чтоб нам мирно жилось, вы лишения претерпели,
Умирали не сразу, вы страшные муки несли.
Ленинградские дети – несчастные жертвы блокады.
Ленинградские дети, мы все о вас помнить должны.
Ленинградские дети, обелиски вам ставить бы надо,
Чтобы ныне живущие к ним приносили цветы.

Сторожилова Ольга
с. Троицкое

В сборнике использованы материалы интернет-сайтов «Блокада Ленинграда» и «Дети блокадного Ленинграда», краеведческий материал Троицкого музея имени А.Д.Сметанникова, Боровлянской сельской библиотеки и отдела по архивам Троицкого района

Составитель сборника
Каркавина Валентина

Редактор
Фельдбуш Людмила

Художественные оформители
Головань Ольга, Женихов Александр

Сборник издан при активном содействии депутата АКЗС Хмуровича Андрея Геннадьевича, Троицкой районной администрации, Боровлянского сельского совета и поэтического объединения «Вдохновение»

Печатается по благословению
настоятеля Свято-Троицкой церкви
Александра Жгунова

с. Боровлянка
Троицкий район
Алтайский край

2012 год

